

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Конституционное и административное право»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Правовое обеспечение государственного управления и местного самоуправления

(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему «Право на информацию в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование)»

Студент

И.Н.Хныкин

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

Доктор юридических наук, профессор, А.В.Малько

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Содержание

Введение.....	3
1. Теоретические аспекты прав граждан на информацию	7
1.1 Регулирование права граждан на информацию	7
1.2 Гарантии прав граждан на информацию	10
1.3. Особенности конституционного права каждого свободно производить информацию	33
2. Ограничения конституционных прав граждан на информацию	42
2.1. Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети интернет: российское законодательство и практика	42
2.2. Совершенствование законодательства ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети интернет: российское законодательство и практика	50
3. Совершенствование мер по соблюдению права на информацию в Российской федерации.....	54
3.1. Проблемы соблюдения права на информацию в Российской Федерации.....	54
3.2. Совершенствование нормативно-правового регулирования соблюдения права на информацию в Российской федерации	70
Заключение	84
Список используемых источников.....	87

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что в отношении права на информацию в юридической литературе отсутствуют общепринятые суждения и дефиниции. Более того, некоторые авторы вообще не употребляют данную категорию, заменяя ее схожими понятиями, такими как «свобода печати», «свобода информации», «информационное право» и др. В.В. Гришина весьма точно замечает, что «состояние терминологии информационного законодательства в научной литературе принято характеризовать как терминологический хаос».

Данная ситуация, по нашему мнению, обуславливается, с одной стороны, отсутствием непосредственно в тексте Конституции Российской Федерации такой категории как «право на информацию». Вместо него используется «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (часть 3 статьи 29). С другой стороны, в настоящее время нет единого суждения о юридической природе данного права.

Правовая регламентация отдельных разновидностей гражданско-правовой информации ставит вопрос о проблематике признания общей информации как объекта гражданского права. Существующие правовые режимы информации имеют ограничения в обеспечении гражданского оборота информации, а право собственности на информацию может конфликтовать с нематериальной сущностью последней.

Цель исследования: заключается в конституционно-правовом исследовании права на информацию в Российской Федерации.

Задачи исследования

- представить понятие и виды информации,
- выявить регулирование права на информацию в Российской Федерации;

- проанализировать регулирование права на информацию за рубежом;
- проанализировать статистику судебных дел по ущемлению права на информацию в Российской Федерации;
- выяснить необходимость цензуры в Российской Федерации;
- выявить проблемы соблюдения права на информацию в Российской Федерации;
- разработать меры по совершенствованию нормативно-правового регулирования соблюдения права на информацию в Российской Федерации.

Объект исследования выступает право на информацию.

Предмет исследования выступает право на информацию в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование).

Методология исследования: анализ научной и методической литературы по теме исследования, сопоставление мнений различных авторов, обобщение материала, сравнительный анализ.

Новизна исследования: сгруппированы некоторые проблемы права на информацию в Российской Федерации.

Теоретическая и эмпирическая основы исследования: представлена на основании учений и идей о регулировании права на информацию в Российской Федерации имеет определенные проблемы.

Гипотеза исследования: регулирование права на информацию в Российской Федерации имеет определенные проблемы.

Положения, выносимые на защиту.

1. Органы государственной власти и местного самоуправления не разъясняют населению правовые способы и средства решения проблем, возникающих в процессе оказания государственных и муниципальных услуг.

2. Официальные сайты органов государственной власти и органов местного самоуправления в сети Интернет не всегда в полной мере отражают даже ту информацию, размещение которой обязательно в силу действующего законодательства. Например, согласно ст. 11 Федерального закона от

22.12.2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» одним из установленных требований является достоверность предоставляемой информации о деятельности судов. Однако на практике информация о рассмотрении дела в суде не всегда соответствует реальному ходу судебного разбирательства, а также движению дела по инстанциям, иногда содержит неполные сведения об участниках процесса и рассматриваемом споре, что даже при использовании электронного сервиса поиска дела значительно затрудняет реализацию информационного права гражданина - права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29 Конституции РФ).

3. Проблема организационно-правовых форм деятельности уполномоченных, связанная с институционализацией специализированных уполномоченных - по правам детей, коренных народов, предпринимателей. В последние годы четко обозначилась тенденция появления уполномоченных, специализирующихся на вопросах защиты прав отдельных социальных групп.

4. Проблемы информационной безопасности человека в сети Интернет, среди которых следует выделить: вопросы электронной торговли (предоставление услуг в электронном виде, осуществление электронных платежей, использование банковских карт и др.), проблемы защиты частной жизни человека и его личных неимущественных прав в информационной среде, персональных данных, прав интеллектуальной собственности. Особое место занимает проблема защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

5. проблема современного общества в виде кибербуллинга (травли, совершенной с помощью средств электронной коммуникации). Исследование, организованное среди учеников старших классов из городов -

миллионников и федеральных центров, демонстрирует, что каждый второй подросток оказывается жертвой кибербуллинга.

Выполненный анализ разных проблем законодательного регулирования из-за права на информацию, не претендуя на всеохватывающую полноту, помогает прийти к выводу, что для практической реализации данного конституционного права и обеспечения перехода от общей нормативной категории к субъективному праву определённого человека требуется интенсивное развитие особой отрасли законодательства - информационного законодательства и самое быстрое принятие совокупности законов, осуществляющих регулирование отношений в информационной сфере.

Апробация работы: опубликованы несколько статей по данной тематике.

Структура исследования:

В первой главе представлено понятие и виды информации, выявлено регулирование права на информацию в Российской Федерации, проанализировано регулирование права на информацию за рубежом

Во второй главе проанализирована статистика судебных дел по ущемлению права на информацию в Российской Федерации, определена необходимость цензуры в Российской Федерации.

В третьей главе выявлены проблемы соблюдения права на информацию в Российской Федерации, разработаны меры по совершенствованию нормативно-правового регулирования соблюдения права на информацию в Российской Федерации.

1 Теоретические аспекты прав граждан на информацию

1.1 Регулирование права граждан на информацию

Анализ развития современного общества помогает прийти к однозначному выводу о колоссальном значении информационной сферы. Право всех без исключения людей на доступ к знаниям и информации, получившее название «информационное общество», на прочной основе заложено в жизнедеятельности основной части стран [1].

В настоящее время законодательное закрепление основ и гарантий доступа граждан к информации выступает обязательным стандартом каждого демократического государства.

Законодательное закрепление права людей на доступ к информации характеризуется не только выполнением международных норм, но и в целом говорит об уровне развития гражданского общества в соответствующей стране. Право на информацию и доступ к ней законодательно зафиксировано в более чем 50 странах мира, в половине из которых соответствующий национальный закон приняли в последние десять лет. Прогрессирующий характер законодательной фиксации права населения на доступ к информации подтверждён увеличением внутригосударственных законодательных инициатив в этой области.

Конечно, основная часть национальных законов, касающихся вопроса права населения на информацию, обладает декларативным характером, в значительной мере дублируя международные стандарты и нормы в этой сфере. Базой для этих внутригосударственных правовых актов выступают такие международно-правовые акты, как Всеобщая декларация прав человека, Международный Пакт о гражданских и политических правах, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Окинавская Хартия глобального информационного общества, а также совокупность других международных документов.

В этих условиях важнейшей задачей национальных правительств выступает оперативное реагирование на высокие темпы эволюции информационных технологий. Такое реагирование поможет обеспечить полноценный доступ граждан к участию в жизнедеятельности информационного общества, а также бесперебойность развития национальной экономики [2].

В настоящее время в Российской Федерации есть совокупность законодательных актов, затрагивающих отдельные аспекты доступа населения к информации. В то же время следует отметить тот факт, что в подавляющем большинстве эти правовые акты осуществляют регулирование смежных с этой отраслью правоотношений.

Среди важнейших правовых актов в информационной сфере следует отметить Конституцию РФ, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», Федеральный закон «О персональных данных», Федеральный закон «О связи», Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации».

В то же время сейчас в России нет федерального правового акта, регулирующего такие важнейшие вопросы, как механизм доступа населения к сведениям, формы реализации права населения на информацию и пределы такого доступа.

Несмотря на конституционное закрепление права населения на информацию, из-за недостаточного законодательного регулирования этой сферы упомянутое выше конституционное право считается наиболее нарушаемым в стране. Более того, в настоящее время нет данных о состоянии дел по поводу обеспечения доступа населения к информации, основанных на реальных сведениях [3].

Информационные права, основу которых образует право населения на доступ к информации, являются особой специфической системой из-за того, что эта сфера жизнедеятельности оказывается наименее разработанной, а её

исследование вызывает значительный интерес в современной теории свобод и прав [4].

Законодательное регулирование информационных прав в значительной мере затрудняется способом и порядком фактической реализации этих прав. Нередко законодатель ограничивается правовой фиксацией права людей на межличностное общение с помощью использования сети Интернет; в то же время это право выступает только составной частью права людей на информацию - права на коммуникацию. В результате законодателем не учитываются другие информационные структуры, содержащие в себе не только Интернет, но и сотовые телефоны, спутники прямого вещания, кабельные сети и т.д.

По мнению отдельных исследователей, важнейшим фактором во время законодательного регулирования вопроса права граждан на информацию и доступа к ней, в первую очередь, выступает обеспечение свобод и прав граждан, в то время как ограничение этого доступа обладает производным значением.

Итак, представляется довольно сомнительным законопроект «О суверенном (автономном) интернете», изучаемый в Государственной Думе Российской Федерации, предлагающий добавление поправок к Федеральным законам «О связи» и «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

Главной целью этого законопроекта выступает то, что в России интернет станет работать даже тогда, когда он будет отключён от глобальной Сети.

По законопроекту, маршрутизация трафика станет производиться так, чтобы количество сведений, которыми обмениваются российские пользователи, минимально поступало за границу, при этом Роскомнадзор, при появлении необходимости, станет блокировать связь Рунета со «всемирной паутиной», а также блокировать все запрещённые этим органом

сайты. Этот государственный орган будет обладать возможностью отказывать операторам, социальным сетям и сайтам в доступе к особым точкам приёма и передачи сведений - то есть, по сути, останавливать их деятельность.

По мнению авторов, принятие правовых актов, нацеленных только на ограничение доступа к сведениям, без предоставления альтернативных механизмов реализации права людей на информацию и доступа к ней, могут вызвать существенное ограничение возможности людей и государства полноценно участвовать в жизни информационного общества и дальнейшем развитии экономики.

1.2 Гарантии прав граждан на информацию

Осуществление свобод и прав граждан РФ в информационной сфере можно изучать в виде одного из национальных интересов России. Определение информационной сферы довольно сложное. Под ней предполагается комплекс сведений, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых обусловлена формированием и обработкой сведений, развитием и использованием упомянутых технологий, обеспечением информационной безопасности, а также комплекс механизмов регулирования соответствующих общественных отношений (п. 1 Доктрины информационной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г.). Думается, главным составным компонентом информационной среды выступает информация.

Проблемы цифровизации окружающей действительности всё более часто оказываются предметом исследований представителей социологической, психологической и политической науки. Не обходят

собственным вниманием эту проблему и представители юридической науки. К самым часто обсуждаемым вопросам в этой связи относят защиту интеллектуальных прав, сохранность персональных сведений, методы автоматизации правоприменения и правотворчества, модернизацию методов публичного управления и воздействия, методы защиты цифровой публичной инфраструктуры и т.п. В условиях увеличивающихся амбиций государства в области контроля виртуального пространства повышенное внимание приобретают разные вопросы, касающиеся обеспечения неприкосновенности частной виртуальной жизни граждан, тайны переписки, телефонных переговоров, свободы слова в интернете и т.п.

Особого внимания заслуживает также проблема полноценной реализации и обеспечения свобод и прав граждан в цифровую эпоху, в частности, в цифровом и виртуальном пространстве. В современной юридической науке стала последовательно разрабатываться важная идея так называемых «цифровых прав». Особое внимание этой проблеме уделено представителями науки конституционного права. Например, председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин абсолютно справедливо отметил, что цифровые права человека появляются в ходе конкретизации как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения универсальных прав человека в области виртуального и цифрового пространства [1]. Улучшение системы государственных гарантий конституционных свобод и прав гражданина и человека в информационной сфере заявлено в виде одной из основных целей реализации государственной программы «Информационное общество (2011 - 2020 годы)». Поэтому отметим, что часть исследователей определяет эту группу прав как информационные [2]. В изучаемой ситуации предполагается не классическое понимание информации в виде сведений, передающихся или не передающихся от одного человека к другому, а тот факт, что в основе современных цифровых технологий находится факт систематизации и обработки очень существенных массивов

данных. В то же время, изучая возможность доступа к сети Интернет и её использования в виде способа получения и передачи сведений, в виде реализации конституционного права свободно искать, передавать, получать, производить и распространять сведения любым законодательно разрешённым способом (ч. 4 ст. 29), а также других свобод и прав, регулирующих взаимоотношения государства и человека в области информации (ст. 23, ст. 24 и др.), необходимо признать, что подобное обозначение упомянутой группы прав является довольно логичным. В то же время нужно помнить, что такая человеческая деятельность, в том числе в виртуальном пространстве возможна также в «оффлайн» режиме. Помимо этого, интерпретация глобальной цифровой сети в виде метода получения и передачи сведений ушла в прошлое. Современная глобальная цифровая инфраструктура давно не ограничена задачами коммуникации.

Довольно неожиданным оказалось введение в официальный юридический оборот категории «цифровые права» в значении, существенно расходящемся с тем, которое предлагалось представителями конституционно-правовой науки. Здесь говорится о принятии Федерального закона № 34-ФЗ от 18.03.2019 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Как объясняют специалисты справочно-информационной системы Консультант плюс, этот документ потребовался для того, чтобы «подготовить Гражданский Кодекс РФ к последующему принятию законов о цифровых финансовых активах (криптовалюте и токенах) и краудфандинге (привлечении инвестиций через электронные площадки)». В соответствии с указанными изменениями под «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». Речь в этой ситуации может идти также о технологии блокчейн. Итак, вопрос

о том, как же назвать условную группу прав, появившихся в ходе конкретизации конституционных свобод и прав гражданина и человека в информационном, цифровом, виртуальном пространстве оказывается открытым. В то же время, предполагаемая по данному поводу дискуссия, по нашему мнению, обещает быть довольно острой и затронет не только вопросы терминологии, но и проблемы общетеоретического и концептуального характера. Что же касается современного российского законодателя, то он, за редким исключением, стремится пользоваться в этой связи прилагательным «информационный».

Следует отметить, что перечень подобных конкретизирующих (информационных, цифровых) прав у разных авторов может меняться, что не удивительно. С учётом трактовки цифровых прав в виде прав, конкретизирующих главные свободы и права в цифровом виртуальном пространстве, можно сделать предположение, что существенная часть конституционных прав гражданина и человека будет предусматривать собственную цифровую интерпретацию. Конституционное право на объединение (ст. 30) станет конкретизироваться на уровне объединения в интернет-сообщества, социальные сети, тематические группы в социальных сетях и т.п. Право на подачу коллективных электронных петиций станет конкретизировать конституционное право обратиться лично, а также отправлять коллективные и индивидуальные обращения в государственные органы и органы муниципального самоуправления (ст. 33). Право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41) может детализироваться правом на электронную запись на официальном портале медицинских услуг и т.п. Конституционное право на образование (ч. 1 ст. 43) предусматривает право на дистанционные формы обучения и т.п. Этот перечень можно продолжать, одновременно отмечая, что не все из упомянутых прав смогли получить достаточное развитие и закрепление на уровне отдельного отраслевого законодательства.

Итак, на сегодняшний день создание исчерпывающего и полного списка цифровых прав – трудновыполнимая задача. В рамках этой работы хотелось бы обратить особое внимание не только на те цифровые права, возникновение которых оказалось возможным по результатам глобальной цифровой революции, но и права - важность защиты которых существенно актуализировалась из-за появления как дополнительных методов их обеспечения, так и дополнительных возможностей их нарушения.

Прежде всего, отметим право на использование разных электронно-вычислительных устройств и средств связи, функционирующих в том числе с помощью сети Интернет. В своем системном виде эти права не смогли получить закрепления в существующем российском законодательстве и находятся на этапе теоретической разработки. В то же время уже сейчас можно отметить, что они могут ущемляться продавцом, производителем, сотовым оператором, провайдером, злоумышленниками, а также государством и его представителями. Также здесь отметим и право на неприкосновенность частной информационной среды, которое может быть нарушено в ходе распространения «назойливой» рекламы, вирусных атак, спама и т.п.

В современном контексте все большее внимание уделяется праву на охрану цифровых интеллектуальных прав. Несомненно, что развитие цифровых технологий превратило проблему нарушения авторских прав, особенно в Интернете, в одну из наиболее острых проблем современной правовой науки. Это касается классических объектов авторского права - «произведений науки, литературы и искусства независимо от их достоинств и назначения, а также способа их выражения и «компьютерных программ, охраняемых как литературные произведения» на основании ч. 1 ст. 1259 ГК РФ.

Защите интеллектуальных прав в цифровую эпоху посвящается существенное число научных исследований. Не ставя перед собой особую

задачу по полноценному рассмотрению этой проблемы, отметим только, что в настоящее время распространение пиратского контента в сети Интернет пресекается обычно с помощью блокировки соответствующих сайтов и блокировки специальных «анонимайзеров», собственники которых не выполняют обязанностей в области ограничения доступа к запрещённым сайтам². В то же время юридической ответственности за применение «анонимайзеров» отдельными пользователями нет, а техническая возможность «договориться», например, с собственниками очень популярной анонимной сети «Tor» отсутствует, что дало основание отдельным исследователям утверждать, что значительная часть усилий государства в этой связи только поспособствовала увеличению технической компьютерной грамотности граждан. Как продемонстрировало время, в деле обеспечения защиты авторского права существенная роль отводится непосредственным правообладателям и официальным распространителям соответствующего лицензионного авторского контента. Способность обозначить и предложить доступные для жителей способы пользования разными объектами авторского права в основной части ситуаций выступает в виде очень важного стимула для покупки лицензионной продукции.

Также следует отметить право на разработку и публикацию цифровых сведений, а также на доступ к ним. Это право детализирует положения ч.1 и ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, а также некоторые положения других статей Основного Закона. Поэтому отметим, что право на информацию, реализуемое с помощью самых новых цифровых технологий, обогащается с помощью новых форм реализации и обеспечения. На протяжении длительного времени именно пространство Интернет было зоной, почти полностью освобождённой от цензуры (в широком значении этого понятия), но в последние годы российской государство начало уделять особое внимание проблеме ограничения свободы слова в виртуальных сетях, с помощью ввода дополнительных законодательных запретов и ужесточения

правовой ответственности за их нарушение. Поэтому активно обсуждаются новеллы отечественного законодательства, призванные поставить под государственный контроль распространение сведений и общение людей в виртуальном пространстве, в частности, отнесение к «мелкому хулиганству» распространения в информационно-телекоммуникационных сетях «информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации». Не вдаваясь в детали соответствующих споров, которые всем хорошо известны и затрагивают как непосредственные правотворческие, так и правоприменительные стороны этой проблемы, отметим только, что даже с позиции юридической техники подобную формулировку вряд ли можно считать удачной. Схожие изменения в части, предусматривающей блокировку соответствующих ресурсов, были добавлены в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Не меньшее число споров в контексте обеспечения конституционного права право на тайну телефонных переговоров, переписки, телеграфных, почтовых и других сообщений вызвали еще раньше предусмотренные требования к операторам связи по хранению текстовых сообщений, голосовых сведений, звуков, изображений, видео и других сообщений пользователей до полугода с момента завершения их передачи, приема, обработки и доставки.

Относительно отдельной группой цифровых прав выступают права, призванные обеспечить выполнение конституционных принципов в области демократического устройства российского государства. Категория «электронная демократия» довольно прочно входит в современный конституционно-правовой обиход [3]. Активно подготавливаются формы

«электронного» участия населения в управлении разными государственными делами (общественные обсуждения разных проектов нормативно-правовых актов, разные варианты политической активности, обеспечения системы обратной и прямой связи между избирателями и их избранниками и т.д.). Повышенного внимания в области реализации разных избирательных прав граждан, а также разработки проекта избирательного кодекса и подготовки возможных правомерных методов дистанционного электронного голосования заслуживает проблема (пока еще не имеющая собственного понятного технического решения) электронной идентификации личности, направленной на упрощение избирательной процедуры и повышение электоральной активности российских граждан.

Право на защиту цифровых персональных данных, право на защиту доброго имени цифрового человека, право на защиту частной жизни потребителя, в том числе при обработке персональных данных и т.д. также отмечается в форме цифровых прав, предоставление которых не менее важно для научного сообщества. Следует также отметить, что за последние десять лет наметилась устойчивая тенденция перемещения многих правоохранительных и правовых функций государства в цифровую виртуальную сферу. Последнее обстоятельство также позволяет спорить о возможности выделения специальных цифровых прав, выступающих в качестве прав-гарантов по отношению к правам, закреплённым в тексте Конституции РФ.

Одной из концептуальных проблем в период расцвета разных цифровых технологий является проблема «виртуального» и «реального» в праве. Не секрет, что существенная часть жизни современного человека («пользователя»), а также государства и общества проходит в виртуальной сфере. С учётом значимости и важности конституционных положений о праве на частную собственность (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ) и праве на труд (ст. 37 Конституции РФ), можно отметить, что особого внимания

заслуживает важная проблема виртуального имущества и тесно связанная с ней проблема виртуального дохода. В настоящее время большое количество граждан инвестирует своё время и ресурсы в «прокачивание» собственных виртуальных аккаунтов в разных компьютерных играх. Можно ли считать накопленные в интернете ресурсы в виде полноценного имущества человека, в виде его частной собственности, а игру – в виде полноценной работы? Предполагается, что практика настоящего заработка за внутриигровое имущество очень распространена в популярном шутере «Counter-Strike: Global Offensive». На примере этой игры можно изучить принцип торговли имуществом, накопленным в ходе игры. Главным товаром выступают скины (графическое оформление отдельного компонента игры). Процесс получения скинов лёгкий - они выпадают из внутриигровых сейфов, выпадающих в ходе игры. Следовательно, чем больше ты играешь, тем больше вероятность получить дорогой скин и выставить его на продажу. Несмотря на то, что скины никак не воздействуют на показатели оружия, лишь на внешний вид, наиболее редкие из них порой стоят несколько тысяч долларов. И хоть прямо в самом «Steam» могут производиться покупки исключительно в игровой валюте, есть большое количество торговых площадок для реализации игрового инвентаря.

Такая система показывает, что в современном мире человек на самом деле может инвестировать время и силы в игры, используя их в виде «основного» места своей работы, получая от этого настоящую материальную прибыль. Отдельные игры превращаются в идеальную площадку не только для размещения рекламы, но и для найма виртуальной рабочей силы. Игроки, стремящиеся не тратить часы собственного времени для добычи какого-либо ресурса (предмета), нанимают иных игроков для выполнения ими миссий, после чего отправляют им настоящие деньги. Есть целые организации, массово нанимающие сотрудников для выполнения разных механических действий на бесплатных аккаунтах в играх для сбора ценных ресурсов с

целью последующей их продажи. Таких сотрудников считают «фермерами», и в ситуации, когда те выступают обычными сотрудниками, они очень мало получают. С такими же целями игроки делают «ботов», которые станут выполнять за них трудоёмкую часть сбора средств. Такие действия можно совершить в таких играх, как «Guild Wars 2». Десятки площадок помогают людям реализовывать заработанный ими внутриигровой инвентарь, но отдельные из них позволяют продать также целые аккаунты. Опытному геймеру необходимо не столь много времени, чтобы развить героя в онлайн игре, после чего он сможет выставить аккаунт на реализацию, чтобы иной пользователь смог начать играть без затратных механических действий, с запасами внутриигровой валюты и с мощными характеристиками.

В настоящее время можно говорить о том, что значительная часть индивидуального имущества переходит в виртуальное пространство. С течением времени всё большее число людей станет подключаться к получению доходов с помощью игр, так как за счёт современных и проверенных платформ такой процесс стал наиболее безопасен и удобен. В то же время всегда имеется риск, что онлайн игра неожиданно «пропадет» навсегда, оставив пользователей без собранных им ресурсов и средств. Итак, область виртуального дохода и виртуального имущества уже в настоящее время должна изучаться в виде одной из главных областей нормативного правового регулирования.

Также на уровне теории всё ещё находится разработка разных проблем, обусловленных идеей наделяния искусственного интеллекта и робототехники, разработанной на ее основе, компонентами правосубъектности. Как отмечено по этому поводу исследователями, «в сфере правового регулирования появляются отношения, в которых если не субъектом, то, как минимум, участником становится новая цифровая личность - робот» [4]. По нашему мнению, первоочередной задачей в этой связи выступает выработка концептуальных обобщений и подходов, которые

будут заложены в основу нового федерального закона о робототехнике и разных изменений, затрагивающих отраслевое законодательство. Объяснение таких принципов может касаться пересмотра отдельных положений общей теории права, касающихся, в первую очередь, теории правоотношений, включая разные вопросы дееспособности и правоспособности субъектов и объектов правоотношений, юридических фактов и их группировки и т.п. [5].

Довольно актуальными считаются разные вопросы кибербезопасности. Для решения различных задач в области обеспечения стабильного функционирования разных информационноуправленческих систем в случае организации различных компьютерных атак принят Федеральный закон № 187-ФЗ от 26 июля 2017 г. «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», начавший действовать с 1 января 2018 г. Реализация данного Закона предусматривает решение сложных правовых и организационно-технических вопросов. Не вызывает какие-либо сомнения тот факт, что есть объективная потребность в усилении охраны баз данных объектов собственности, налоговой службы, банков, пенсионных фондов и других организаций для предотвращения утечки персональных данных.

Это вовсе не полный список актуальных вызовов и проблем, появляющихся из-за цифровизации, информатизации и виртуализации окружающего пространства. Поэтому отметим особую важность комплексного понимания всего блока сопутствующих этой проблематике вопросов и способов их последующей разработки. Точечным и одномоментным правовым регулированием определённых прав и их гарантий в этой ситуации не обойтись. Информационно-цифровое законодательство будет нуждаться в систематизации и приведении в непротиворечивое, стройное состояние. Одним из основных вариантов подобной систематизации могло бы выступить принятие Информационного

кодекса Российской Федерации, проект которого подготовил Институт государства и права РАН еще в 2014 г.

Новая цифровая реальность предполагает новое понимание всего механизма правового регулирования и, что очень важно, нового понимания особого места права в быстро изменяющемся цифровом обществе. Полноценное обеспечение основных конституционных свобод и прав человека в информационной сфере не только предполагает кропотливую и постоянную работу на «опережение» в системе правового регулирования, но и предусматривает формирование актуальных научных подходов концептуального характера, которые бы не стали ограничиваться очередной системой запретов, а были бы основаны на социально и политически обусловленном балансе публичных и частных интересов.

На основании Федерального закона № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5], информация – сведения (данные, сообщения) независимо от формы их представления. Если исходить из определения, информация может выступать объектом различных правоотношений. Информация может применяться любым человеком, передаваться от одного человека к другому, кроме ситуаций, указанных в законе. Следовательно, каждый человек имеет право на информацию.

У каждого человека есть право свободно искать, передавать, получать, производить и распространять сведения любым законодательно разрешённым способом. Список данных, образующих государственную тайну, устанавливается федеральным законом (п. 4 ст. 29). Право на информацию является сложным и многоаспектным понятием. В содержание этого права добавляются такие аспекты:

- 1) возможность свободного доступа к сведениям (здесь говорится о тех сведениях, которые находятся в свободном доступе);

2) возможность свободной передачи сведений любыми законными способами;

3) возможность свободного производства сведений (предполагает свободу творчества, интеллектуальной деятельности);

4) возможность свободного распространения сведений любым легальным способом. Принцип свободы образует основу реализации этого права.

Право на информацию неразрывно связано со всеми главными свободами и правами (правом на частную жизнь, свободой вероисповедания и совести, свободой слова и мысли, правом на охрану здоровья и т.д.). Реализация каждого права предусматривает или сбор данных, или получение данных, или передачу данных. В этой ситуации говорится не только об определённом человеке, реализующем определённое право. Данные могут касаться каких-либо третьих лиц, деятельности компании, государственного органа и т.п. Поэтому сведения подлежат группировке в соответствии с возможностью доступа к ним:

а) данные, имеющиеся в свободном доступе;

б) данные, доступ к которым ограничивается (государственная тайна, банковская тайна и т.п.);

в) данные, доступ к которым не может ограничиваться (данные о законах, о состоянии окружающей среды и т.д.).

Реализация права на информацию, как и любого иного права, гарантирована государством. Под гарантиями предполагается система объективных условий и особых юридических средств, с помощью которых достигается одинаковая возможность реализации и защиты собственных свобод и прав.

В научных работах есть разные классификации гарантий (см., например, [13; 12]). Без углубления более подробно в классификации,

условным образом все гарантии можно поделить на две основные группы: специальные и общие.

В систему общих гарантий добавляются такие компоненты:

а) экономические гарантии – степень экономического развития общества, защита и признание любых форм собственности, свобода экономической деятельности и т.д.;

б) политические гарантии – демократия, политический плюрализм, разделение властей и т.д.;

в) организационные гарантии – работа органов, занимающихся контролем и надзором за выполнением нормативно-правовых актов, и т.д.;

г) идеологические гарантии – степень нравственного воспитания в обществе, степень правосознания, идеологическое разнообразие и т.д.

В основу упомянутых выше условий закладывается принцип: разрешается всё, что не запрещается законом. Эти условия предоставляют возможность для реализации права на сведения в разных областях общественной жизни.

К особым гарантиям относятся юридические гарантии в виде системы особых юридических средств усиления законности. Предполагается, что юридические гарантии подлежат подробной классификации по разным основаниям. В то же время, не изучая детально разные вопросы классификации, в общую систему юридических гарантий можно добавить:

а) право на судебную защиту, т.е. право на обращение в суд за получением защиты нарушенного права (например, изучаемого в этой работе);

б) право обратиться за получением защиты нарушенного права в межгосударственный орган по защите свобод и прав гражданина и человека.

Для реализации этого права требуются конкретные условия: наличие международного договора, исчерпание любых национальных правовых средств защиты;

в) гарантии осуществления правосудия: право на квалифицированную юридическую помощь, право на использование действующего законодательства, презумпция невиновности, право на изучение дела в подходящем суде и т.п. Юридические гарантии призваны обеспечить защиту права на информацию на национальном и на международном уровнях.

В реализации этого права появляется несколько проблем, например, ограничение права на информацию. Государство, полагаясь на экономические, политические, нравственные и другие интересы, ограничивает доступ к отдельным сведениям (например, экстремистского направления). Вопрос по поводу целесообразности подобного ограничения довольно актуальный и сложный. Отсутствие сведений способно вызвать ошибочное понимание процессов, происходящих в мире и государстве. В то же время, не исключается возможность использования сведений для решения преступных задач. Думается, что если есть вероятность избежать подобных возможностей, в разумных границах право на информацию следует ограничить.

Конституционное право на информацию – является неотъемлемым элементом демократического режима, который обеспечивает управление обществом с помощью населения, которое участвует в делах государства, посредством принятия решений большинством голосов, но принимая во внимание интересы меньшинства, данное благо закреплено в ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации.

В период осуществления права на доступ к информации, личность использует данные, которые ей предоставляет оппонент, но и сама выступает истоком информационного потока, так как при определенных законом условиях гражданин должен предоставить сведения о себе, то есть персональные данные, чтобы произошла процедура корреспондентного обмена.

Положения ст.9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152 - ФЗ «О персональных данных» содержать сведения о том, личность будучи участником информационных правоотношений гражданин дает согласие на их обработку в отсутствие понуждения со стороны, при наличии своего интереса. При этом следует отметить, что при приведении процедуры получения персонального разрешения к согласию предъявляют критерии конкретности, информированности и сознательности. Субъект может либо самостоятельно выполнить вышеупомянутое действие, либо через своего представителя в любой форме, при этом если иное не установлено федеральным законом. При получении положительного ответа сведения проверяются уполномоченным лицом (оператором). Согласие на обработку персональных данных может быть отозвано субъектом персональных данных.

Существует множество критериев классификации информации, однако в основу Закона положен критерий доступности, т.е. сведения носят открытый, либо ограниченный характер.

В соответствии с положениями статьи 7 Закона к общедоступной относится общеизвестная и иная информация, доступ к которой не ограничен.

Сведения, которые получены субъектом информационного права, могут свободно реализовываться по его усмотрению, за исключением установленных законодателем специальных барьеров к этому. Ярким примером информации, которая не ограничена в обороте являются сведения о специфике работы государственных органов и органов местного самоуправления, если иное не установлено нормативно - правовыми актами федерального уровня об этом гласят положения статьи 3 Закона.

В ряде случаев вышеупомянутый нормативно - правовой акт содержит императивный барьер (запрет) на распространение информации определенного рода, за пересечение, которого последуют санкции разной

отраслевой направленности. Так, запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность об этом говорит статья часть 6 статьи 10 Закона.

Закон в статье 9 императивно регламентирует порядок, в котором может быть произведено ограничение информационного оборота. Правовой базой служит ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Конституционное право на свободу информации является базовым элементом демократического политического режима, при котором население участвует в осуществлении государственной власти, принимая решения большинством с учетом интересов меньшинства. По мере развития общества, его нормы и институты либерального характера будут совершенствоваться. Незаконное и необоснованное ограничение этого права может привести к снижению уровня обеспечения свободы граждан, что может привести к регрессу, то есть возможности установления антидемократического режима поэтому важно обеспечивать реализацию каждого общепризнанного, законодательно закрепленного права в полном объеме, право на информацию в том числе.

Следует акцентировать внимание на следующие основные тенденции формирования судебной практики категориям дел, касающимся права на информацию:

- продолжающийся уверенный рост количества заявлений о признании информации запрещенной к распространению на территории Российской

Федерации, в том числе в отношении новых видов информации, ранее не признаваемой запрещенной к распространению;

- увеличение количества отказов от заявлений о признании информации запрещенной к распространению на территории Российской Федерации в связи с оперативной работой по внесению информации в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – Единый реестр);

- приоритет применения предварительных обеспечительных мер в порядке, предусмотренном статьей 144.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 15.2 Федерального закона № 149-ФЗ, без последующей подачи правообладателями исков о защите авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет»;

- продолжение становления положительной практики применения статьи 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ в аспекте результатов обжалования действий Роскомнадзора.

Механизм ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона, предусмотренный статьей 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ, в значительной степени отличается от механизмов, предусмотренных статьями 15.1 и 15.2 Федерального закона № 149-ФЗ.

Указанный механизм характеризуется наивысшей степенью оперативности.

Это обусловлено, прежде всего, характером информации, в отношении которой она применяется: призывы к массовым беспорядкам, экстремистской деятельности, участие в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, информационные материалы иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой на территории Российской Федерации признана

нежелательной, а также информация, обеспечивающая доступ к указанной информации или материалам.

В 2017 году Федеральным законом от 25 ноября 2017 года № 327-ФЗ О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и статью 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» внесены изменения в статью 15.3 Федерального закона от 25 ноября 2017 года № 149-ФЗ.

Изменения касаются расширения перечня информации, к которой применяется механизм, предусмотренный статьей 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ.

В соответствии с положениями статьи 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ доступ к информации, распространяемой с нарушением закона, осуществляется на основании требований Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителей.

Во исполнение требований и в целях предотвращения нарушений законодательства в сфере распространения информации в отношении соответствующих ресурсов были приняты установленные законом меры реагирования.

Встречаются единичные случаи обращения владельцев информационных ресурсов с административными исковыми заявлениями в суд с целью признания действий Генеральной прокуратуры Российской Федерации незаконными.

Д.И. Черноморченко обратился в Таганский районный суд г. Москвы с соответствующим административным исковым заявлением к Генеральной прокуратуре Российской Федерации и Роскомнадзору о признании действий по ограничению доступа к информационному ресурсу golosislama.com незаконными.

Основанием для принятия Роскомнадзором мер административного реагирования послужило требование заместителя Генерального прокурора Российской Федерации В.Я. Гриня о принятии мер по ограничению доступа к информационному ресурсу golosislama.com, на котором были размещены статьи и комментарии к ним, содержащие оправдание терроризма и призывы к осуществлению экстремисткой деятельности.

Как следует из содержания требования, на вышеуказанном информационном ресурсе была размещена статья «Москва приютит очередных террористов», в которой в качестве террористов представлены члены партии «Демократический союз». В комментариях пользователя сайта к указанной статье содержались призывы к массовым беспорядкам и осуществлению экстремисткой деятельности.

Также, на указанном сайте были размещены статьи «Российская авиация ровняет с землёй мирных жителей пригородов Алеппо» и «Итоги стадней операции в Сирии», в которых указано на намеренное уничтожение мирного населения авиацией и сухопутными войсками правительственных войск Сирии. В комментарии пользователя к указанной статье также содержались призывы к осуществлению экстремисткой деятельности.

Кроме того, на указанном ресурсе содержалось интервью Д.И. Черноморченко, рассказывающего о необоснованном привлечении мусульман за совершение преступлений экстремистского характера.

По результатам рассмотрения административного искового заявления Таганским районным г. Москвы в удовлетворении заявленных требований отказано.

Действия Роскомнадзора и Генеральной прокуратуры Российской Федерации признаны законными и соответствующими требованиям действующего законодательства Российской Федерации.

Не согласившись с решением суда первой инстанции Д.И. Черноморченко подал апелляционную жалобу.

В результате рассмотрения апелляционной жалобы решение суда первой инстанции оставлено без изменения, а апелляционная жалоба – без удовлетворения.

03.08.2017 в Киселевском городском суде Кемеровской области состоялось судебное заседание по делу № 2а-234/2017 по рассмотрению административного искового заявления Елескина Г.И. о нарушении избирательного права и об отмене результатов выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации по избирательному участку № 384.

В качестве административных ответчиков по делу привлечены Участковая Избирательная комиссия № 384, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации и Роскомнадзор.

Основанием для подачи административного искового заявления послужило то обстоятельство, что по мнению Елескина Г.И. его избирательные права были нарушены тем, что в форме избирательного бюллетеня, выдаваемого на выборах Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва, отсутствовала строка «против всех кандидатов».

По мнению Елескина Г.И., указанное обстоятельство означает принуждение к голосованию за кандидатов, не вызывающих доверие.

Кроме того, в административном исковом заявлении содержались сведения о нарушениях при проведении голосования.

В просительной части административного искового заявления содержались требования относительно Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Роскомнадзора, а именно блокирование Роскомнадзором сайтов призывающих к бойкоту выборов, и взаимосвязанного требования Генеральной прокуратуры Российской Федерации признать противоречащими Постановлению Конституционного Суда от 14.11.2005 №

10П и статье 48 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Отметим, что в 2016 году в Роскомнадзор поступило требование заместителя Генерального прокурора Российской Федерации В.Я. Гриня (далее – требование) о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, на которых размещена информация, содержащая призыв к неопределенному кругу лиц пользователей сети «Интернет» - «Выборы 18 сентября 2016 г. в Государственную Думу СОРВЁМ!!! Бойкот. Выборы.Саботаж».

Указанная информация призывала вести агитационную и пропагандистскую деятельность среди населения. Также, были размещены обучающие статьи о том, как убеждать родственников и знакомых не осуществлять свои избирательные права.

Кроме того, посетителям сайтов предлагалось написать в администрацию ресурса для присоединения к протестному движению.

Таким образом, помимо агитации граждан бойкотировать выборы, администрацией ресурса осуществляется координация действий граждан, призывающая принять участие в протестных акциях.

При этом на информационных ресурсах не было представлено сведений о принимаемых мерах по согласованию с уполномоченными органами власти субъектов Российской Федерации и муниципалитетами проведения каких-либо публичных актов.

В этой связи, во исполнение требований Роскомнадзором были предприняты меры, предусмотренные статьей 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ.

По результатам рассмотрения административного искового заявления Елескина Г.И. в удовлетворении заявленных требований административного истца отказано.

Исходя из содержания мотивировочной части решения Киселевского городского суда Кемеровской области следует, что действия Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Роскомнадзора соответствуют требованиям действующего законодательства Российской Федерации.

При рассмотрении требований административного истца в отношении Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Роскомнадзора, Суд пришел к следующему выводу.

Поскольку на сайтах в сети «Интернет», на которых размещались аналитические и агитационные материалы по теме бойкотов выборов в Государственную Думу Российской Федерации, не были размещены сведения о принимаемых мерах по согласованию с уполномоченными органами проведение каких-либо публичных акций, у Генеральной прокуратуры Российской Федерации имелись достаточные основания квалифицировать содержание информационных ресурсов как призывы к участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка.

Также, Судом было установлено, что Генеральной прокуратурой Российской Федерации соблюдены положения Федерального закона № 149-ФЗ, требование подписано с соблюдением установленной процедуры, надлежащим должностным лицом, в рамках представленных полномочий.

Доказательств, свидетельствующих о нарушении Генеральной прокуратурой Российской Федерации либо Роскомнадзором норм статьи 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ, представлено не было.

Кроме того, Судом было установлено, что срок на обжалование административным истцом действий Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Роскомнадзора пропущен.

Не согласившись с решением Киселевского городского суда Кемеровской области, Елескин Г.И. обратился с апелляционной жалобой в Кемеровский областной суд.

По результатам рассмотрения апелляционной жалобы решение Суда первой инстанции оставлено без изменений, а апелляционная жалоба без удовлетворения.

1.3 Особенности конституционного права каждого свободно производить информацию

Сейчас право гражданина и человека на информацию зафиксировано в конституционных нормах и выступает одним из главных прав российских граждан. В Конституции РФ предусматривается право каждого человека (гражданина РФ, лица без гражданства, иностранного гражданина) искать, передавать, получать, производить любые данные о любых явлениях и процессах любым легальным способом [1]. Такая возможность обеспечена соответствующей этому праву обязанностью органов государственной власти, муниципального самоуправления, их должностных лиц предоставлять гражданам конкретные сведения, если они не оказываются личной, государственной либо коммерческой тайной, охраняемой отечественным законодательством.

В правовой литературе есть большое количество исследований, посвященных праву на информацию, но предлагаются совершенно разные подходы исследователей к трактовке внутреннего содержания этого права. Так, на взгляд В. С. Хижняк, все правомочия права на информацию подразделяются на три основные категории: получать и искать информацию; распространять и передавать информацию; производить информацию [2, с. 15]. А. В. Минбалеев изучает этот вопрос в узком (право на получение (доступ) к информации) и широком смысле (все субъективные права, ориентированные на информацию или действия с ней) [3, с. 204]. С позиции А. А. Чеботаревой, свободы и права информационного характера можно изучать в виде суммы правомочий разных субъектов в информационной

сфере: в сфере поиска, передачи, получения, распространения и производства информации, использования информационных технологий, а также обеспечения защиты информации [4].

Ещё существует группа ученых, рассматривающих некоторые правомочия права на информацию в виде субъективных прав. Например, С. Н. Швердяев, Н. Н. Федосеева и ряд других [5, с. 230; 6, с. 8] придерживаются мнения, что право на доступ к информации обладает статусом независимого конституционного права. Итак, право на производство информации изучается учеными в виде одного из правомочий права на информацию.

В законодательстве термины «поиск» и «получение» информации зафиксированы через категорию доступа к информации. В соответствии со ст. 2, 8 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее - Закон об информации) под доступом к информации предполагается право граждан (физических лиц) и предприятий (юридических лиц) осуществлять поиск, получение любой информации в любых формах и из любых источников и ее использование при условии соблюдения требований законодательства [7]. Таким образом, можно сказать, что термины «поиск» и «получение» информации определяются в законодательстве через термин «доступ».

Под предоставлением информации понимаются действия, направленные на получение или передачу информации определенному кругу лиц, а под распространением - действия, направленные на получение и передачу информации неопределенному перечню лиц (ст. 2 Закона об информации).

В то же время сейчас нет законодательного определения «производства информации», а также комплексных правовых исследований, посвященных конституционному праву на производство информации.

При этом термин «производство информации» применяется в ст. 1, 3, 12, 15.1 Закона об информации, например: «... свобода ... производства и

распространения информации любым законным способом» выступает одним из основных принципов правового регулирования отношений в области информации, информационных технологий и защиты информации, в пределах государственного регулирования в области использования информационных технологий. А также в ст. 1, 2, 4, 8, 19, 22, 32.1 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее - Закон о СМИ) применяется термин «производство продукции средств массовой информации» [8].

Также вместе с «производством информации» в законодательстве используются такие синонимичные термины, как «изготовление», «создание», «редактирование», «обработка», «формирование», «подготовка» информации. В то же время законодатель не определяет, в чем их основное отличие. Например:

1. в соответствии со ст. 1228 Гражданского кодекса РФ, под автором результата интеллектуальной деятельности признается «гражданин, творческим трудом которого создан такой результат» [9];

2. в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1270 Гражданского кодекса РФ, под воспроизведением произведения, понимается изготовление одного и более экземпляра произведения или его части в любой материальной форме;

3. в соответствии с п. 5 ст. 2 Закона об информации, под обладателем информации понимается «лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам»;

4. ч. 1 ст. 10.4 Закона об информации закреплено, что «программы для электронных вычислительных машин, сайт и (или) страница сайта в сети “Интернет” используются для обработки и распространения новостной информации в сети “Интернет”»;

5. в соответствии с ч.1 ст. 10.5 Закона об информации, «владелец сайта и (или) страницы сайта в сети “Интернет”, и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин, которые используются для формирования и (или) организации распространения в сети “Интернет” совокупности аудиовизуальных произведений. обязан соблюдать требования законодательства Российской Федерации.»;

6. в соответствии со ст. 2 Закона о СМИ, журналистом понимается «лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации» и др.

В отдельных законодательных актах применяются четыре непосредственно выраженных запрета на изготовление информационных материалов, три из них отнесены к ограничениям выпускать массовую информацию:

7. ст. 242 и 242.1 Уголовного кодекса РФ предусматривают запрет на нелегальное производство порнографических материалов, а также производство порнографических материалов с участием несовершеннолетних [10];

8. ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает запрет на изготовление и (или) распространение видео-, теле-, кинопрограмм, художественных и документальных фильмов, а также относящихся к особым средствам массовой информации информационных компьютерных файлов и приложений обработки текстов, содержащих скрытые вставки, влияющие на подсознание людей и (или) оказывающие вредное воздействие на их здоровье [11];

9. ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности» относит к экстремизму

также «массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения» [12]. На основании этого положения Закона в ст. 20.29 КоАП предусмотрена административная ответственность за «массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения»;

Федеральным законом № 116-ФЗ от 02.05.2015 в ст. 13.15 КоАП была добавлена ч. 6, по которой предполагается административная ответственность за «производство либо выпуск продукции средства массовой информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалы, публично оправдывающие терроризм, или другие материалы, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности» [13].

Итак, в основных законах об информации нет понятия «производство», но применяются понятия «изготовление», «создание», «редактирование», «обработка», «формирование», «подготовка», отражающие сущность производства информации. При этом из ст. 1 Закона о СМИ можно прийти к выводу, что производство информационной продукции обладает массовым масштабом и существует для распространения этой продукции. С. А. Куликова ещё отмечает, что само право на производство информации «может осуществляться только при наличии цели передачи информационных материалов неопределенному кругу лиц» [14, с. 218, 219].

В научных юридических работах «производство информации» изучается в виде одного из правомочий права на информацию и вытекает из Конституции РФ [15, с. 8; 16, с. 33]. Однако в виде «права на производство информации» оно не получило необходимой теоретической разработки. Можно встретить оценки данного права в виде декларативного, высказаны

сомнения по поводу возможности его ограничения и необходимости его гарантирования [17, с. 79].

На основе ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, можно прийти к выводу, что производство информации нужно изучать не в виде правомочия права на информацию, а в виде самостоятельного субъективного права каждого свободно производить какую-либо информацию, не только из-за того, что оно является гарантируемой законом возможностью управомоченных субъектов производить информацию, но и, в первую очередь, потому что оно обладает существенным значением для каждого индивида, проживающего в современном информационном обществе [1].

В этой статье Конституции РФ зафиксировано право каждого на производство информации. Изучим более подробно все составные части конституционной формулировки этого права: каждый, производство, информация.

В соответствующих статьях Конституции РФ указывается различие между правами гражданина и правами человека. С целью обозначения субъекта прав человека применяются формулировки «каждый», «никто», «все», а по отношению к правам гражданина упоминаются «граждане Российской Федерации» и «граждане».

Конституционная норма ч. 4 ст. 29 включает в себя понятие «каждый». Соответственно, субъективное право каждого на производство информации отличается широтой субъектного состава этого права, а не только правом средств массовой информации производить информационную продукцию. Субъективное право на производство информации могут иметь:

10. человек;
11. граждане РФ;
12. лица без гражданства и иностранцы.

В рамках современных реалий каждый может производить разные сообщения, сведения, данные, и понятие «производить информацию» связано

с авторством в общепотребительном и в юридическом смысле. Он предполагает «породить, выработать, вызвать к жизни, создать в результате обдумывания, изучения, творческих усилий». С юридической позиции это право тесно связывается с авторским правом и правом на интеллектуальную собственность. У людей, выступающих производителями информации, появляются конкретные права по отношению к произведенной ими информации, так как она превращается в их собственность.

На основе анализа толковых словарей можно сделать вывод, что термин «произвести» можно изучать в разных смыслах:

13. творить, творить, то есть, создавать существующие, воплощать в жизнь;

14. производить, производить определенный материальный продукт;

15. Производство промышленных товаров и пищевых продуктов; осуществление процесса формирования материальных ценностей или товаров в массовом порядке [18, с. 611; 19, с. 632; 20, с. 805; 21, с. 61].

Закон об информации предусматривает «информацию (коммуникации, данные) независимо от формы ее представления».

В настоящее время в законодательстве и научных работах термин «производство информации» не используется. Термины «производство информации» и «право производить информацию» не идентичны в той степени, в которой категории «имущество» и «право собственности», «жизнь» и «право на жизнь» и т.д. не следует считать однозначными. Производство информации подлежит конституционному и правовому регулированию. Право на производство информации закреплено в главе 2 Конституции Российской Федерации - в законе, имеющем высшую юридическую силу в России, пересмотр положений которой возможен лишь с помощью принятия новой Конституции. С юридической позиции производство информации отмечается в конституции государства в виде субъективного права. Носителями этого права могут выступать каждый

человек, гражданин РФ, лицо без гражданства или иностранец. Следовательно, если есть право, то его следует гарантировать государству, и для защиты от посягательств на это право следует установить ограничения, но это нереально без уяснения определения содержания данного права.

В современном мире каждому требуется информация в ходе творческой, производственной и другой общественно полезной деятельности, соответственно, при наличии нужной субъекту информации на неё станет расти спрос. По нашему мнению, производство информации выступает основой права на распространение информации, так как без производства информации окажется невозможным её распространение.

Итак, само право на производство информации можно изучать с двух сторон смыслах:

16. в виде субъективного конституционного права создавать информационный продукт (сообщения, сведения, данные) независимо от формы их представления в ходе производственной, творческой и другой общественно полезной деятельности гражданина и человека;

17. в виде права изготавливать, подготавливать, обрабатывать и редактировать информационную продукцию для тиражирования этой информации.

Непосредственный опыт человека формирует первичную информацию, а знания, полученные индивидом в ходе обработки первичной информации или в ходе получения некоторых сведений о накопленном опыте иных людей, являются вторичной информацией.

Итак, получаемые знания в первой или второй ситуации человеком фиксируются, обрабатываются, сохраняются и передаются иным людям, что выступает базой для появления информационных технологий и информационной деятельности. Термин «новая информация» считается относительным, так как любая информация не может быть новой, она может формироваться на основе иных ранее известных фактов и сведений.

Соответственно, стоит говорить о первичной и итоговой информации, которая в ходе производства станет новой по отношению к первичной.

В основе производства информации находится цель - получение новых знаний. Из-за издания Указа Президента РФ № 203 от 09.05.2017 г. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [22] исследование права на производство информации считается актуальным, так как стимулирует формирование общества знаний. В рамках этой Стратегии под ним предполагается информационное пространство, где граждане должны иметь примерно одинаковые знания, а также возможность производить любые сведения.

Итак, под конституционным правом на производство информации необходимо предполагать гарантированную государством возможность человека, граждан РФ, лиц без гражданства и иностранных граждан создавать сведения (данные, сообщения) независимо от формы их представления в ходе производственной, творческой и другой общественно полезной деятельности.

2 Ограничения конституционных прав граждан на информацию

2.1 Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети интернет: российское законодательство и практика

В последнее время, а именно с 2012 года, российское государство принимает разные законы, нацеленные на осуществление регулирования размещения сведений в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, при этом применяя инструменты, помогающие в довольно широких пределах ограничить реализацию конституционных свобод и прав граждан: от свободы выражения позиции до права на охрану частной жизни.

Известно, что практически любое основное (конституционное) право человека может быть реализовано через Интернет.

По мнению М.Ю. Середы, «ограничения на доступ к ресурсу могут затрагивать не только свободу распространения информации, но и свободу средств массовой информации, свободу предпринимательства, право на образование и другие». Действующее законодательство об ограничении прав и свобод в сети Интернет предполагает применение государственных принудительных мер, которые не всегда являются мерами юридической ответственности. Указанные меры применяются в отношении физических и юридических лиц, не нарушающих законодательство» [8].

Международная правозащитная организация Human Rights Watch (HRW) еще в 2017 году опубликовала специальный доклад о системе ограничений свободы слова в России - «Онлайн и на всех фронтах. Оскорбление свободы слова в России».

По мнению экспертов этой авторитетной международной организации, некоторые законы Российской Федерации, принятые после 2012 года, последовательно ориентированы на сужение пространства для общественной

дискуссии, в том числе в Интернете, и особенно на различные вопросы, которые российские власти считают неудобными или чреватými расколом в обществе. [12]

Среди законов, отмеченных в докладе HRW, есть все резонансные законодательные инициативы последнего времени: закон о защите чувств верующих (Федеральный закон № 136-ФЗ от 29.06.2013 «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»), так называемый закон Лугового (Федеральный закон № 398-ФЗ от 28.12.2013 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»»), принятый в 2013 году, позволяющий властям в 24 часа и без судебного распоряжения блокировать онлайн-ресурсы, предусматривающие распространение призывов к массовым беспорядкам, экстремистским действиям или участию в несанкционированных массовых мероприятиях, принятый в декабре 2018 года закон Яровой (Федеральный закон № 374-ФЗ от 06.07.2016 «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»), закон о борьбе с колумбайн-сообществами (Федеральный закон № 375-ФЗ от 06.07.2016 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности») о блокировке не только информации, толкающей детей на совершение противоправных действий, но и контента, склоняющего несовершеннолетних лиц к действиям, представляющим опасность для их здоровья и жизни.

Естественно, нельзя считать правильным утверждение, что государство должно в полной мере устраниваться от осуществления государственного контроля и регулирования размещения сведений в Интернете. Ведь с помощью сети Интернет ежегодно совершается все больше разных правонарушений – от небольшого кибермошенничества до организации террористических актов. Также Интернет, как указывается отдельными авторами, может применяться для ведения информационных войн. [2]

Как известно, ст. 29 Конституции РФ закрепила комплексное субъективное право – свободу слова (ч. 1) вместе со свободой выражения собственного мнения (ч. 3) и свободой доступа к информации и ее распространения (ч. 4). Хотя в науке имеется также другая позиция – изучать каждое из них в виде самостоятельного субъективного права. Например, свобода выражения мнения, как полагают отдельные исследователи, относится к самым признанным правам человека – это право зафиксировано в конституциях свыше 87% стран. [9]

Ни в одной из иностранных конституций рассматриваемое нами комплексное субъективное право не изучается как абсолютное.

Оно подлежит разным ограничениям, нужным для обеспечения государственной безопасности, защиты частных и публичных интересов.

В современную эпоху основным способом ограничения свобод и прав человека в сети Интернет является ограничение доступа пользователей к различным Интернет-ресурсам (далее - блокирование Интернет-ресурсов) путем наложения обязательств на операторов связи (провайдеров доступа) с использованием фильтрации адресов ресурсов с запрещенной информацией.

В различных странах мира исторически сформировались разные политико-правовые концепции в отношении свободы распространения сведений и выражения собственного мнения. Например, в США и отдельных европейских странах реализуется стратегия минимального вмешательства государства в непосредственный процесс управления сетью Интернет и

ограничений доступа к контенту. В то же время национальное законодательство таких стран включает в себя нормативно-правовые акты, ориентированные на борьбу с терроризмом, охрану авторских прав, защиту несовершеннолетних от влияния на них вредной информации, которые также предполагают в виде ограничительной меры блокировку сайтов, обычно по решению суда [3].

В противоположность этому китайско-азиатская модель 1 правового регулирования интернет-сферы оказывается более жесткой и предусматривает в виде главной цели невозможность доступа к сведениям, имеющимся на сайтах вне Китая и предусматривающим критику политического режима. [5] Данная система получила наименование «Золотой щит», она лишь блокирует доступ к сотням тысяч сервисов. [10] Блокирование сайтов осуществляется как автоматически, как только система определит словосочетания и слова, имеющиеся в «черном списке», так с использованием работы десятков тысяч «частных» цензоров, трудящихся на аутсорсе. Помимо этого, система автоматически осуществляет блокировку доступа к глобальным сервисам в виде Google, Facebook, YouTube, Instagram, Twitter, сайта Википедии на всех языках, ресурсам разных зарубежных СМИ – The New York Times, The Independent, Bloomberg, BBC и другим. [4] По факту и Россия последовательно идет по направлению регулирования Интернета, применяемому властями Китая.

Об этом также говорит принятие Госдумой инициативы, предложенной сенатором А. Клишасом, – закона о суверенном Рунете – проект Федерального закона № 608767-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» (итоговая редакция, принятая ГД ФС РФ 16.04.2019), позволяющий создать инфраструктуру полной изоляции российского Интернета в соответствии с китайским образцом.

В конце 2015 года Швейцарский институт сравнительного законодательства Совета Европы исследовал вопрос о блокировании, введении фильтров и изъятии интернет-контента. Это оказалось комплексное исследование, коснувшееся законодательства, предусматривающего разные ограничительные меры, например, в сфере защиты авторских прав, борьбы с детской порнографией, антитеррористических мер, клеветы и иных сфер, обращая повышенное внимание на процессуальный аспект и гарантии свободы выражения своего мнения [11].

В докладе отмечается, что в большинстве стран-участниц законодательство об ограничительных мерах является предсказуемым, доступным, четким и точным. В некоторых ситуациях речь идет о введении ограничительных мер в отношении онлайн-контента с использованием неточных, расплывчатых и чрезмерно широких терминов, таких как «оскорбление национального достоинства», «богохульство», «оскорбление чувств», или в борьбе с терроризмом, таких как «экстремизм», «террористическая пропаганда» или «пропаганда терроризма». Как отмечается в зарубежных трудах, стратегии блокирования зачастую непрозрачны, а административные органы мало подотчетны общественности. Различные процедуры обжалования либо отсутствуют, либо, если они существуют, неэффективны.

Таким образом, совместимость мер по блокированию доступа с основным правом на свободу выражения мнений все чаще ставится под сомнение [1].

Тенденции можно определить через проведение анализа развития российского законодательства в области ограничения прав на распространение сведений в сети Интернет за последние 20 лет:

1. Начиная с 2000-х годов отмечается как рост составов преступлений экстремистской направленности, так и введение в составы других преступлений различных «экстремистских» мотивов при том, что само это

определение ввели в законодательный оборот лишь в 2001 году (4 специальных состава, и плюс 4 состава с соответствующим мотивом). При этом существенная часть статей УК РФ, содержащих это понятие, используется именно к деяниям, совершенным не с помощью каких-нибудь действий, нацеленных против здоровья и жизни граждан, или даже призывов к насилию, а с помощью размещения разных материалов информационного содержания в сети Интернет.

Так, житель Твери был осужден по ст. 182 УК и получил два года и три месяца колонии-поселения за репост материала «Крым – это Украина» публициста Бориса Стомахина. За репост статьи этого же автора был осужден 62-летний охранник асфальтобетонного завода в Чувашии. Он был приговорен к двум годам лишения свободы условно.

Московский окружной военный суд приговорил студентку мединститута Патимат Гаджиеву к штрафу величиной 400 тысяч рублей по обвинению в экстремизме за репост записи в соцсети «ВКонтакте» про ИГИЛ*. Пресненский районный суд Москвы признал блогера Антона Носика виновным в экстремизме за пост в ЖЖ «Стереть Сирию с лица земли» [26].

Можно приветствовать недавнее принятие Федерального закона № 521-ФЗ от 27.12.2018 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» – о декриминализации первичного размещения сведений, содержащих экстремистский контент в сети Интернет, и перевод такого состава в административный проступок.

Однако мы опять имеем появление «административной преюдиции» (как и в ситуациях с нарушениями законодательства о публичных мероприятиях), когда повторное нарушение вызывает уже наступление уголовной ответственности.

С 2010 года значительно возросло количество уголовных дел по «экстремистским» статьям, особенно в связи с их перепостингом и размещением в блогах и социальных сетях. Если в 2010 году за

экстремистские статьи были осуждены 30 пользователей социальных сетей, то в 2015 году их уже было 216. В 2014-2016 годах почти 85% приговоров за «экстремистские высказывания» были связаны с деятельностью в Интернете, причем наказания варьировались от штрафов и принудительных работ до лишения свободы. По данным «Совиного центра», который периодически публикует списки лиц, в настоящее время лишенных свободы за «экстремистские преступления» неуголовного характера, по состоянию на сентябрь 2015 года список содержал 54 фамилии, тогда как в феврале 2017 года он уже составлял 94. [6]

2. Вторым направлением можно считать увеличение числа государственных органов, уполномоченных принимать решения о блокировании доступа к Интернет-ресурсам.

Полномочия в сфере блокирования интернет-ресурсов предоставлены следующим судам: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, ФСТ России, МВД, Генеральная прокуратура РФ, Министерство юстиции РФ, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), Росмолодежь, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, ФССП.

3. Еще одной важной тенденцией в правовом регулировании информации, размещаемой в сети Интернет, стало увеличение числа оснований для блокирования доступа во внесудебном порядке. Если до 2012 г. практически все решения о блокировании доступа к сайтам в сети Интернет принимались судами по искам заинтересованных лиц (в этой форме были предприятия, граждане, МВД, ФНС и т.д.), то сейчас большинство случаев блокирования осуществляется в ходе особых оснований Роскомнадзором по заявлениям уполномоченных органов. К

перечню таких оснований отнесены: нарушение запрета на ведение экстремистской деятельности, деятельность, связанная с азартными играми, нелегальное использование объектов интеллектуальной собственности, нарушение законов российской федерации (например, способы ухода от налогов); распространение информации, причиняющей вред здоровью и развитию несовершеннолетних лиц (от порнографии и информации, побуждающей к суициду, до нецензурной брани); информация об методах, способах разработки, изготовления, реализации и использования наркотических средств;

4. Четвертой тенденцией можно считать фактический переход от судебного метода блокирования Интернет-контента к административной процедуре принятия решения о блокировании доступа к информации, а также с сокращением времени на принятие решения о блокировании контента провайдером. С каждым годом количество ситуаций, при которых информация блокируется по судебным решениям, уменьшается, а блокирование информации в сети Интернет по решениям уполномоченных органов увеличивается в 10 раз. Согласно действующей законодательной норме, введенной в действие в декабре 2018 года, хостинг-провайдер, получив распоряжение Роскомнадзора, обязан «немедленно» уведомить об этом владельца сайта. Хостинг-провайдер должен «немедленно» (не позднее 24 часов) удалить запрещенный контент, иначе сайт будет заблокирован.

Ускоренный процесс блокирования затронул следующие виды незаконного контента: детская порнография, пропаганда самоубийств, распространение наркотиков, азартные игры, продажа алкоголя, распространение имен несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений. Упрощенная процедура также включала блокировку по решению суда. Это можно было бы считать достаточным, если бы в 2018 году законодатель не расширил перечень, включив в него такие действия, как призывы к массовым беспорядкам, экстремистская деятельность, участие в

массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, размещение недостоверной публично значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, создающей угрозу жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности. Во всех этих случаях Генеральная прокуратура обладает высокой степенью благоразумия, а главное, имеет расплывчатые и уточняющие термины, которые не исключают возможности избирательного правоприменения.

5. И, наконец, пятая тенденция заключается в том, что законодательство предусматривает оценочные и формально неоднозначные термины, которые не имеют известных стандартов правоприменения, используемых для принятия решений о блокировании доступа к информации.

Таким образом, по критерию «информация о способах совершения самоубийства» (стр. 1). (с) стр. 1 ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019 г.) «Об информации, информационных технологиях и защите информации») относится ко многим классическим произведениям, исторической, религиозной (буддийской) и отечественной литературе.

Согласно официальной статистике Роскомнадзора, за пять лет в Реестр было внесено 322 тыс. интернет-ресурсов, из которых 34,6% были заблокированы по решению суда. [7]

2.2 Совершенствование законодательства ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети интернет: российское законодательство и практика

Необходимы изменения и совершенствование законодательства и судебной практики по ограничению прав граждан России в сети Интернет:

1) Декриминализовать все действия, предусматривающие ответственность за заявления в Интернете, не содержащие прямых призывов к насильственным действиям (а также за перепечатку и понавление заявлений), по таким антиэкстремистским статьям, как статьи 280 и 282 Уголовного кодекса, а также по статье «Оскорбление чувств верующих» (статья 148 Уголовного кодекса), статье 212.1 Уголовного кодекса (повторное нарушение порядка проведения массового мероприятия), статье 284.1 Уголовного кодекса (деятельность нежелательной организации);

2) Блокирование доступа к информационным ресурсам в сети Интернет, как правило, возможно только на основании решения суда, в то время как административная процедура блокирования должна быть оставлена только для тех случаев, когда речь идет о материалах, связанных с сексуальной эксплуатацией детей, или информации о методах разработки, производства и использования наркотических средств, местах приобретения таких средств, а также организации террористических актов;

3) Необходимо исключить Прокуратуру из списка субъектов, которые имеют право подавать соответствующие иски в суды или принимать решения о досудебном блокировании веб-сайтов,

которые содержат экстремистское содержание. Это должны делать только субъекты, права которых нарушены информацией, размещенной на сайте (например, местные администрации в связи с несогласованными массовыми событиями), либо органы, непосредственно ответственные за расследование преступлений данной категории (органы внутренних дел, подлежащие соответствующей экспертизе);

4) Необходимо предоставить право на обжалование решений (принятых как в административном, так и в судебном порядке) о включении Интернет-ресурсов в различные списки запрещенных сайтов всех заинтересованных лиц, в том числе граждан, поскольку в случае блокирования ресурса с запрещенным контентом одновременно может быть

заблокирован доступ к информации, распространение которой не нарушает российского законодательства.

Таким образом, наша страна постепенно переходит от реакции на фактически размещенную в Сети информацию к строго контролируемому государством механизму многоуровневой фильтрации интернет-контента, и без использования судебных решений только по усмотрению уполномоченных органов, с использованием оценочных и неопределенных оснований для принятия решений, что расширяет возможности для опосредованного законодательно ограничения права граждан на свободу выражения мнений.

В настоящее время мы являемся свидетелями начала действия так называемых законов о неуважении к власти (Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»), которые фактически вводят административную ответственность для граждан (опять же с установлением жестких санкций) и блокируют интернет-ресурсы для критики государственных органов, конкретных должностных лиц. А блокирование осуществляется сразу же по требованию Генеральной прокуратуры (Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации»).

Аналогичные законы существуют в некоторых европейских странах (Германия, Франция и Бельгия), но они не распространяются на мнения в Интернете. Новый закон вводит дополнительный состав в статью 20.1 КоАП РФ за мелкое хулиганство. Более того, по мнению авторов нововведения, действующих норм, устанавливающих ответственность за оскорбление представителей власти или символов власти, недостаточно: за явное неуважение к обществу, проявляющееся в общественных местах (ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ); за оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ); за оскорбление

представителя власти (ст. 319 УК РФ); за оскорбление государственного герба и флага РФ (ст. 329 УК РФ).

Изменения, внесенные в статью 20.1 КоАП РФ - части 3-5, фактически приравнивают оскорбление органов власти в сети Интернет к мелкому хулиганству. Статья не в буквальном смысле, а близко по смыслу воспроизводит текст известной «антисоветской» статьи («систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный порядок»), которая просуществовала в УК РСФСР до 1989 года (ст. 190.1 УК РСФСР).

Но следует помнить, что согласно статьям 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой 12 февраля 2004 года на 872-м заседании Комитета министров Совета Европы, «политические деятели, стремящиеся получить общественное мнение, тем самым соглашаются быть объектом публичной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации». Государственные чиновники могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они выполняют свои обязанности, так как это необходимо для обеспечения прозрачного и ответственного осуществления их полномочий.

3 Совершенствование мер по соблюдению права на информацию в Российской Федерации

3.1 Проблемы соблюдения права на информацию в Российской Федерации

В современном мире в наиболее развитых странах наблюдается новый цивилизационный виток развития, характеризующийся становлением информационного общества. Несмотря на явное технологическое отставание, в России также происходит постиндустриальная трансформация в сфере информатизации.

В российской действительности такое понятие, как информация, широко распространено в общественных отношениях. Все чаще появляются публикации об информационной сфере или инфосфере, представляющей собой конгломерат информации, информационной инфраструктуры, субъектов обработки информации, а также системы правового регулирования складывающихся при этом общественных отношений. Информация буквально пронизывает экономическую, социальную, политическую, культурную и иные сферы общественной жизни.

Совершенно очевидно, что в современных условиях, когда информация начинает играть ключевую роль и имеет весомую ценность, необходимы качественное правовое обеспечение и защита информационных прав и интересов граждан.

Вместе с тем уже при постановке вопроса о защите информационных прав возникают проблемы определения понятий и квалификации различных элементов информационно-правовых отношений. На это накладывается дискуссионность самого понятия информационного права как отрасли, поскольку в научной среде до сих пор не существует единого мнения о том,

что должно выступать предметом правового регулирования данной отрасли и какой должна быть структура информационного права.

Тем не менее актуальность регулируемых информационным правом общественных отношений является добротной основой для становления информационного права как отрасли.

В контексте данной статьи под информационными правами будут пониматься права человека, связанные с получением, распространением и воздействием информации. Конституция Российской Федерации закрепляет эти права и придает им основополагающий, конституционно-правовой смысл.

Представляется, что информационные права человека могут быть классифицированы по критерию содержания прав и условно разделены на две группы - права на обработку информации и права на защиту от неблагоприятного воздействия информации [1].

Права на обработку информации связаны с непосредственным сбором, получением, распространением и использованием информации. Их реализация зависит от активности поведения субъекта права. К ним относятся: право ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы человека (ст. 24), право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26), право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения (ст. 28), право свободы мысли и слова (ст. 29), право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29), право свободы массовой информации (ст. 29), право индивидуальных и коллективных обращений в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33), право на информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42).

Права на защиту от неблагоприятного воздействия информации не связаны с активной деятельностью субъекта права, имеют пассивный характер. Они закрепляют определенный информационно-правовой «статус-кво» субъекта права и устанавливают такой правовой режим его индивидуальной информационной сферы жизнедеятельности, при котором он защищен от нежелательного воздействия информации извне. К ним относятся: право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23), запрет сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 24), запрет пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29), запрет принуждения к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ч. 3 ст. 29).

С одной стороны, такая классификация кажется весьма условной, поскольку большинство из перечисленных прав человека являются смежными и соотносятся с общим понятием права на информацию. Но с другой стороны, представленная классификация является удобной для целей исследования и практики правозащитной деятельности, поскольку по каждому из указанных прав эта деятельность ведется с учетом специфики и особенностей складывающихся общественных отношений, а также конституционно-правового смысла каждого из перечисленных прав.

Рассмотрение вопросов соблюдения и защиты информационных прав человека в деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах РФ (далее - уполномоченных) имеет практическое и теоретическое значение по ряду причин.

Институт омбудсмена сегодня - это относительно новое правовое явление, не существовавшее в России в прошлом, а потому не свойственное сложившейся системе государственных органов с учетом принципа разделения властей и вертикали власти. Омбудсмен - это правовой имплант, представляющий собой юридическую конструкцию, заимствованную у европейских стран, в которых уже наработана практика деятельности уполномоченных и сложилась правовая культура, в том числе и в части защиты прав человека при помощи данного института. Хотя в России еще и рано говорить о таких результатах, но институт омбудсмена содержит в себе большой потенциал к развитию качественного государственно-правового регулирования общественных отношений, сочетаемого со специфическими, а зачастую уникальными методами государственной правозащиты.

Каковы основные направления деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах РФ в сфере соблюдения и защиты информационных прав и свобод? Прежде всего, необходимо отметить особенности правового статуса уполномоченного, методы его работы и пределы компетенции.

Уполномоченный в субъекте РФ - это государственная должность субъекта РФ, назначение на которую осуществляется региональным парламентом в соответствии с уставом (конституцией) для целей соблюдения и защиты прав человека. Региональный уполномоченный действует на основании законов субъекта РФ. Как правило, для обеспечения деятельности уполномоченного создается рабочий аппарат. Такая структура (уполномоченный и его аппарат) не имеет властных полномочий, не относится к исполнительной, законодательной или судебной власти и в системе государства выступает как государственный орган со свойственными ему специфическими функциями [2].

Федеральным законом от 06.04.2015 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в

целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека» более точно сформулированы цели создания института уполномоченных в субъектах РФ: «Должность уполномоченного учреждается в целях обеспечения дополнительных гарантий государственной защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также для ее осуществления» [3].

Другими словами, защищая права и свободы человека на территории субъекта РФ, уполномоченный не вмешивается в компетенцию иных государственных органов. Его деятельность дополняет существующие правовые средства защиты прав и свобод человека, не отменяет и не влечет пересмотр компетенции соответствующих органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

Важной особенностью правового статуса уполномоченного является его участие в государственной системе бесплатной юридической помощи в правовом смысле Федерального закона от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», что во многом определяет направления деятельности уполномоченного в сфере правового информирования и просвещения населения [4].

Обозначенные выше элементы правового статуса уполномоченных характеризуют роль данного института в обеспечении соблюдения и защиты информационных прав человека.

Сравнительный анализ ежегодных докладов уполномоченных по правам человека в субъектах РФ о соблюдении прав и свобод человека в различных регионах за 2013-2014 годы показывает, что доля обращений граждан, связанных с нарушением информационных прав, крайне мала. В большинстве докладов категория «информационные права человека» не употребляется вообще. Изредка упоминаются случаи нарушения информационных прав в разделах докладов «Другое», «Иные нарушения» и т. п. При этом подавляющая часть докладов уполномоченных посвящена

вопросам прав человека на обеспечение жильем, социальное и пенсионное обеспечение, медицинскую помощь, а также соблюдению прав осужденных и социально уязвимых категорий населения. Таким образом, при составлении ежегодных докладов уполномоченных о соблюдении прав человека используется тривиальный подход к классификации прав по критериям «тематика обращений» либо «субъект нарушенного права». Следует отметить, что при этом не отводится место вопросам защиты и соблюдения информационных прав человека в прямом смысле. Информационные права находят лишь косвенное отражение.

Это происходит по двум основным причинам. Одна из них заключается в том, что правоотношения, связанные с реализацией информационных прав человека, сами по себе имеют сложный фактический состав и межотраслевой характер. Например, в правоотношении, связанном с обеспечением человека жильем, информационные права человека реализуются неоднократно: право индивидуального обращения в орган местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ) - при постановке вопроса об учете в качестве нуждающегося и обеспечении жильем; право свободно искать, получать, передавать информацию любым законным способом (ст. 29) реализуется в процессе сбора и подачи документов, необходимых для получения жилья; право ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы человека (ст. 24), реализуется при ознакомлении со своим жилищным (учетным) делом в случае возникновения жилищного спора и т. д. Другими словами, указанные информационные права в цепочке правовых отношений, связанных с реализацией права человека на обеспечение жильем, имеют лишь опосредованный характер и в процессе развития правоотношения эти права, позволяя достигнуть определенных промежуточных результатов, служат лишь достижению цели реализации рассматриваемого жилищного правоотношения - получению

жилья - и поглощаются этим результатом как имеющим более ощутимый социальный эффект.

Вторая причина кроется в уровне правовой культуры и правосознания населения. Малая доля обращений граждан по вопросам нарушения их информационных прав предопределена таким уровнем правового сознания среднестатистического обывателя, при котором он не в полной мере осознает ценность прав, носителем которых является, и не способен цивилизованно заявлять о своих правах и необходимости их уважения и соблюдения. В этой связи стоит признать, что в большинстве случаев граждане не пользуются предоставленными средствами правовой самозащиты. В частности, многими не учитывается необходимость соблюдения письменного порядка обращения в органы власти по вопросам реализации своих прав и подачи соответствующих жалоб, что впоследствии затрудняет решение поставленных вопросов и разбирательство по существу другими компетентными органами, а также предопределяет невозможность защиты прав, выявления и устранения нарушений, поскольку применение закона не может носить абстрактный характер. В каждом конкретном случае требуется рассмотрение всех значимых обстоятельств по существу, однако такая возможность изначально исключается вследствие несоблюдения человеком порядка обращения в органы власти, то есть порядка реализации информационного права (ст. 33).

Указанные причины обуславливают необходимость привлечения повышенного внимания к проблемам соблюдения и защиты информационных прав человека как со стороны уполномоченных по правам человека в субъектах РФ, так и других государственных структур, и институтов гражданского общества. Изучение данной проблематики будет способствовать не только разработке новых методов правозащитной деятельности, но и даст возможность решить некоторые системные правовые проблемы, складывающиеся в жизни общества уже на протяжении ряда лет.

Представляется, что в деятельности уполномоченных можно выделить ряд системных проблем, многие из которых составляют предмет правозащитной деятельности уполномоченных в субъектах РФ, поскольку связаны с несоблюдением и необходимостью защиты информационных прав человека. Кроме того, существуют проблемы, связанные с несовершенством деятельности самой системы уполномоченных по правам человека в субъектах РФ.

В рамках данной работы более подробно следует остановиться на следующих проблемах.

1. Органы государственной власти и местного самоуправления не разъясняют населению правовые способы и средства решения проблем, возникающих в процессе оказания государственных и муниципальных услуг.

Например, органы социальной защиты не информируют о возможности установления факта постоянного проживания в судебном порядке, что препятствует получению мер социальной поддержки лицами, не имеющими собственного жилья, и возможности оформить регистрацию по месту жительства.

В такой ситуации предполагается презумпция информированности субъекта права о правовых способах решения возникающих вопросов в силу того, что нормативно-правовые акты, принятые и опубликованные в установленном порядке, считаются доведенными до сведения неограниченного круга лиц.

Тем не менее гласность и информационная открытость составляют основу работы органов местного самоуправления с населением. Приведенный выше пример позволяет сделать вывод о нарушении права человека на доступность информации, затрагивающей его личные интересы. Такой вывод можно сделать из обязанности органа местного самоуправления доводить до субъекта права информацию о правовых способах и средствах защиты своих прав. Это следует из конституционно-правового смысла

положений Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.03.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также из содержания ст. 4, 7, 14 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [5].

Вместе с тем стоит отметить, что в некоторых регионах уже складывается положительная тенденция по соблюдению прав человека на информацию путем разъяснения возможных правовых способов и средств защиты своих прав и интересов, поскольку эта информация представляет значительную практическую пользу. Например, территориальные органы Пенсионного фонда РФ при рассмотрении заявлений граждан о назначении досрочной пенсии по старости в своих ответах даже при вынесении отказа гражданину часто информируют его о возможности зачесть спорные периоды трудовой деятельности в льготный стаж в судебном порядке. Такой подход является правильным и основан на понимании государственной структурой ответственности за те публично значимые полномочия, которые на нее возложены.

2. Официальные сайты органов государственной власти и органов местного самоуправления в сети Интернет не всегда в полной мере отражают даже ту информацию, размещение которой обязательно в силу действующего законодательства. Например, согласно ст. 11 Федерального закона от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» одним из установленных требований является достоверность предоставляемой информации о деятельности судов. Однако на практике информация о рассмотрении дела в суде не всегда соответствует реальному ходу судебного разбирательства, а также движению дела по инстанциям, иногда содержит неполные сведения об участниках процесса и рассматриваемом споре, что даже при использовании электронного сервиса поиска дела значительно

затрудняет реализацию информационного права гражданина - права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29 Конституции РФ) [6].

Другим примером нарушения информационных прав человека на доступность информации, представляющей общественный интерес и затрагивающей личные интересы граждан, является не размещение государственными структурами на официальных сайтах полного перечня подзаконных актов в актуальной редакции, в первую очередь, административных регламентов по оказанию предоставляемых услуг, которые составляют основу их деятельности.

Важно отметить также, что информационные сайты государственных органов, а особенно часто органов местного самоуправления, не всегда позволяют быстро получить актуальную контактную информацию, сведения о руководителе и др. Хотя такая информация всегда присутствует на сайтах, вместе с тем ее поиск затруднен, что свидетельствует об ущемлении права на информацию и права на обращение в орган власти.

3. Проблема организационно-правовых форм деятельности уполномоченных, связанная с институционализацией специализированных уполномоченных - по правам детей, коренных народов, предпринимателей. В последние годы четко обозначилась тенденция появления уполномоченных, специализирующихся на вопросах защиты прав отдельных социальных групп. На практике гражданин не всегда правильно понимает компетенцию уполномоченного по правам человека и преувеличивает правовые возможности данного института в решении его проблемы, в связи с чем очень часто неправильно оформляются обращения граждан к уполномоченным и некорректно формулируются вопросы, выносимые на их рассмотрение. В этой связи появление новых специализированных уполномоченных приводит к разрастанию бюрократического аппарата, затрудняет право граждан на обращение (ст. 33) и порождает необходимость

предварительной самостоятельной юридической оценки своей проблемы по ее тематике или субъекту нарушенного права в целях правильного выбора специализированного уполномоченного для обращения. Это сводит решение гражданина к нелогичному выбору: «ребенок или человек», «инвалид или человек» и т. п.

4. Проблемы информационной безопасности человека в сети Интернет, среди которых следует выделить: вопросы электронной торговли (предоставление услуг в электронном виде, осуществление электронных платежей, использование банковских карт и др.), проблемы защиты частной жизни человека и его личных неимущественных прав в информационной среде, персональных данных, прав интеллектуальной собственности. Особое место занимает проблема защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Это далеко не полный перечень проблем, имеющих в сфере соблюдения и защиты информационных прав человека в России. Однако реалии правоприменительной и законодательной практики таковы, что дефицит внимания государственных структур к проблемам информационных прав населения продолжает существовать.

Меры, принимаемые уполномоченными по правам человека в субъектах РФ, явно недостаточно эффективны для обеспечения соблюдения и защиты информационных прав человека. Наиболее распространенным методом, используемым уполномоченными в пределах своей компетенции, является направление рекомендаций органам государственной власти и органам местного самоуправления; однако исполнение таких рекомендаций необязательно и не обеспечено силой закона. Вместе с тем деятельность уполномоченных по выявлению нарушений и мониторингу соблюдения информационных прав должна рассматриваться в качестве одного из приоритетных направлений работы в целях привлечения внимания общества

и государства к проблемам соблюдения и защиты информационных прав населения.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что классический подход, согласно которому нормативно-правовое регулирование общественных отношений дополнено судебной-прецедентной практикой в спорных вопросах и существующих пробелах, уже не отвечает вызовам современного информационного общества. Это предопределяет необходимость разработки принципиально нового концептуального подхода к информации и ее месту в системе общественных отношений, постепенного видоизменения правоприменительной деятельности с использованием новых технологичных методов работы, а также требует перехода российского нормотворчества на качественно новый уровень.

В 2012 г. в г. Санкт-Петербург был принят Модельный информационный кодекс для государств-участников СНГ, который заложил основу для дальнейшей систематизации норм информационного права как на межгосударственном, так и на национальном уровне.

Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 утверждена Государственная программа РФ «Информационное общество (2011-2020 годы)», направленная на ускоренное развитие информационных отношений и преодоление существующих проблем становления информационного общества.

Эти шаги дают надежду на изменение существующего положения дел в вопросах соблюдения и защиты информационных прав человека в России.

Часто на уровне руководящих лиц государств, международных организаций и соответствующих специалистов обсуждаются проблемы и нарушения, увеличивающиеся с развитием цифровых информационных технологий в отношении неприкосновенности частной жизни, использования изображений граждан, обращения с личными данными. К этому добавилась

такая информационная угроза, как повсеместное распространение недостоверных (фейковых) новостей, в том числе и о личной жизни людей.

Проблемы правового регулирования защиты неприкосновенности частной жизни и изображений граждан в России выявились за последние три-четыре года в процессе применения ст. 152.1, 152.2 ГК РФ. Особо отметим ст. 152.2 ГК РФ, вступившую в силу 1 октября 2013 г., в которой установлено:

«1. Если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни. Не являются нарушением правил, установленных абзацем первым настоящего пункта, сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле». Например, сетевое издание, чей домен зарегистрирован в «дальней юрисдикции», распространило фейковые новости и сплетни о частной жизни известного музыканта, информация «стала общедоступной» в сети Интернет и выдана в свет множеством российских таблоидов. При обращении музыканта в суд с требованием о защите права на неприкосновенность частной жизни и удалении личной информации каждый ответчик ссылался на то, что он был «не первым» нарушителем, «информация ранее стала общедоступной», поэтому его действия «не являются нарушением правил». Вольно или невольно с 01.10.2013 в российских правилах о защите неприкосновенности частной жизни абз. 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ образована «существенная брешь» для правонарушений. Более того, оговорка ст. 152.2 ГК РФ о том, что «не является нарушением правил» использование информации о частной жизни

гражданина, если такая информация «ранее стала общедоступной», стала, как коррозия, «проникать» и в дела о защите права на охрану изображения гражданина. В отдельных судебных актах стали появляться такие доводы: опубликованные ответчиком фотографии уже не раз публиковались в СМИ, являлись общедоступными (общеизвестными); поскольку фотографии уже ранее были опубликованы, суд находит заявленные требования не подлежащими удовлетворению.

Отметим, что в ст. 152.1 ГК РФ среди трех исключений из общего правила нет и никогда не было условия о том, что «ранее опубликованное в СМИ» или «ранее ставшее общедоступным» изображение гражданина далее любой субъект может использовать без согласия самого изображенного.

Защита права на неприкосновенность частной жизни обычно основывается на ст. 23, 24 Конституции РФ, ст. 150, 152.1, 152.2 ГК РФ, но не всякий судья начнет искать толкование понятия «общедоступная информация» в других законах, а даже если и найдет — не всегда правильно истолкует применительно к п. 1 ст. 152.2 ГК РФ. Между тем ст. 7 Федерального закона «Об информации», так и названной — «Общедоступная информация», установлено: «1. К общедоступной информации относятся общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен.

2. Общедоступная информация может использоваться любыми лицами по их усмотрению при соблюдении установленных федеральными законами ограничений в отношении распространения такой информации...» и т.д. В Определении КС РФ от 28.06.2012 № 1253-О разъяснено, что «исходя из предписаний статей 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, конфиденциальным характером обладает любая информация о частной жизни лица, а потому она во всяком случае относится к сведениям ограниченного доступа». По-другому и быть не должно. Казалось бы, в такой ситуации у посягающих на личные права граждан не остается шансов уклониться от ответственности. Тем более что специальные законы («О

средствах массовой информации», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О персональных данных») указывают на необходимость согласования с гражданином использования личной информации и изображений, за исключением случаев, когда такое использование необходимо в государственных и иных общественных интересах (например, когда имеется угроза демократическому государству, общественной безопасности, окружающей среде, когда гражданин объявлен в розыск и т.п.). Не поддерживают несогласованное использование личных данных и ратифицированные Россией международные договоры, а также различные декларации и резолюции о личной жизни и деятельности СМИ. Однако российские правонарушители в такой ситуации находят «лазейки» в неопределенных понятиях. Именно в этом направлении идут в своих доводах, что не удивительно. Неопределенным и «бескрайне широким» в ст. 152.1 и 152.2 ГК РФ является условие об «иных публичных интересах», по которому без согласия гражданина допустимо распространять сведения о частной жизни и/или использовать изображение гражданина (если только гражданин — не «основной объект» в кадре!) помимо государственных и общественных еще и в каких-то «иных публичных интересах». Чьи это «иные публичные интересы», если не государственные и не общественные? Кто их основной выгодоприобретатель? Судя по «информационным продуктам» и составу участников спорных правоотношений, это медиа-бизнес «с желтым оттенком». Человек же, его права и свободы, провозглашенные ст. 2 Конституции РФ высшей ценностью, при указанных диспозициях норм ст. 152.1 и 152.2 ГК РФ и их ненадлежащем правоприменении как-то «незаметно» оказались в конец списка тех, для кого все это правовое регулирование затеяно. Из практики следует, что большинство судов закономерно и обоснованно считают, что интересы изданий и праздное любопытство «публики» не являются «иными публичными интересами». Однако у ответчиков, несогласованно собирающих и распространяющих информацию

о частной жизни людей, и у судей, принимающих решения в пользу ответчиков, есть в запасе еще один довод – некая «прецедентная практика ЕСПЧ». Из решения в решение вдруг стала «перекочевывать» странная фраза: «Исходя из прецедентной практики Европейского суда по правам человека интерес общественности к публичным лицам всегда считался правомерным с точки зрения прозрачности и общественного контроля. В этой степени пресса, показывая людей в разных ситуациях, связанных не только с выполнением ими определенных обязанностей или участием в конкретных событиях, выполняет свою функцию, которая также должна быть защищена в рамках защиты свободы печати». О какой «прозрачности» и «общественном контроле» можно говорить при вмешательстве в частную жизнь граждан? Известных людей и членов их семей без их согласия снимают в больничных палатах, роддомах, в подъездах, кафе, на улицах, вокзалах и т.п. Кроме того, огромное количество изображений «подтаскивается» из соцсетей известных людей, хотя у многих из них на титульной странице размещено условие о запрете использования фото и текстов без согласия владельца аккаунта. Помимо того, что несогласованное использование изображения гражданина – это нарушение права на охрану изображения, использование фотографических, литературных и иных произведений из «Инстаграма» и прочих личных сетевых ресурсов без указания имени автора и без разрешения правообладателя – это еще и нарушение авторских прав. Из таких «несогласованных материалов» производится «информационная продукция». Строго говоря, все вышеуказанные случаи – правонарушения, но отдельные судьи иногда называют это ... «разные ситуации», когда пресса, «показывая людей», выполняет свою «функцию». Кроме того, следует знать, что не может существовать никакой «прецедентной практики Европейского суда по правам человека», учитывая компетенцию ЕСПЧ, рассматривающего жалобы на нарушение государствами Конвенции о защите прав человека и основных

свобод, а также учитывая, что Россия не страна прецедентного права и ее правовая система основана в первую очередь на нормативно-правовых актах, а не на «прецедентах». К сожалению, судебные акты, содержащие «фантазийные» доводы, вносятся в правовые базы без критической оценки, что многократно тиражирует судебные ошибки и становится источником новых ошибок. И это, несмотря на то, что принцип правовой определенности имеет своей целью обеспечить участников правоотношений возможностью точно спрогнозировать результат своих действий, дает надежду, что права потерпевших будут защищены и при разрешении спора действия правоприменителя также будут прогнозируемы и предсказуемы, не будут меняться от случая к случаю, не будут зависеть от судебного состава и его усмотрения. Правовая норма – это система строгих ограничений, а не система безграничных допущений. В контексте изложенных проблем крайне актуальным является проект федерального закона № 563156-7 «О внесении изменений в статьи 152.1 и 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (уточнение правил охраны изображения и частной жизни гражданина)», которым предложено исключить из ст. 152.1 и 152.2 ГК РФ невнятное условие об «иных публичных интересах» и исключить из ст. 152.2 ГК РФ неконституционную оговорку о том, что случаи, когда информация о частной жизни гражданина «ранее стала общедоступной», якобы «не являются нарушением правил» об охране частной жизни.

3.2 Совершенствование нормативно-правового регулирования соблюдения права на информацию в Российской Федерации

К сожалению, за последние пять лет развитие законодательства в области телекоммуникаций практически не происходило, хотя комплекс проблем, требующих правового регулирования в этой сфере, далеко не исчерпан. Налицо острая необходимость скорейшего принятия таких

федеральных законов, как закон «О телекоммуникациях», регулирующий правоотношения при использовании сети общего пользования, порядок и условия подключения к этой сети операторов связи, закон «О радиочастотном спектре», регулирующий правоотношения при использовании радиочастотного спектра, порядок выделения частотных полос и частотного присвоения и ряд других. Отсутствие развитого законодательства в области электросвязи существенно затрудняет полноценную реализацию таких прав граждан, непосредственно связанных с правом на информацию, как право на пользование услугами электросвязи, на получение достоверной и своевременной информации по каналам электросвязи, а также на защиту частной жизни в сфере электросвязи.

Законодательное регулирование в отношении права на информацию не может не учитывать необходимость ограничения этого права в целях защиты интересов личности, общества и государства.

Проанализировав изменения, внесенные в Федеральный закон 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», можно выделить следующие требования и порядок блокирования информации о себе:

Требования:

- 1) Паспорт и контактная информация о себе
- 2) Информация, которую заявитель желает запретить
- 3) Ссылка на сайт;
- 4) Основания для блокировки (ненадежны; неактуальны, размещены с нарушением закона и т.д.).
- 5) Обязательное согласие на обработку персональных данных.

Закон не предусматривает непосредственно форму требования и порядок передачи дела на рассмотрение. Он лишь уточняет, что оператор обязан ответить в той же форме, в которой было получено это требование.

Считаю целесообразным дать примерный алгоритм действий:

1. Заявитель, выполнив все необходимые требования, направляет запрос оператору

2. Оператор поисковой системы имеет 10 дней для ограничения доступа с последующим уведомлением заявителя, но также имеет право запросить документ, подтверждающий личность заявителя (закон не уточняет, каким образом).

3. Если заявитель требует дополнительные данные, он должен ответить оператору в течение 10 дней.

4. Если поступил запрос оператора на подтверждение данных, то оператор поисковой системы должен удалить все ссылки на ресурс с момента ответа.

Следует учитывать, что обязанность оператора заключается в сохранении факта подачи заявления заявителем.

Из всего вышесказанного можно с уверенностью сказать, что в Российской Федерации, как и во многих других развитых странах мира, существуют специальные средства ограничения доступа граждан к информации. Причины могут быть самыми разными - от интересов государства и его безопасности до вопросов чести человека, обращающегося в поисковые системы. Там, где право на информацию было ограничено, всегда существовал определенный противовес по другую сторону шкалы, который каждое государство обязано принимать во внимание. В настоящее время вопрос об ограничении доступа граждан к информации является достаточно чувствительным.

Конечно, в некоторых случаях я считаю такое регулирование (блокирование) оправданным, но все же предусмотренные меры имеют очень

низкое качество (хранится сама информация). Но с другой стороны, еще более ужесточение законодательства приведет к закрытию российского информационного пространства, чрезмерному ограничению конституционных прав людей, имеющих высшую ценность для личности, общества и государства.

Интернет предлагает детям широкий спектр возможностей для выражения своей индивидуальности, образования и обучения, что делает их одной из самых быстрорастущих групп интернет-пользователей. В то же время, существуют и положительные аспекты информационной безопасности детей. Защита несовершеннолетних от интернет-угроз является важной задачей не только для России, но и для всех развитых стран, однако недостаточно контролируемый характер интернета создает множество нерешенных проблем. В широком смысле термин «безопасность молодежи» в научной литературе определяется как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих жизнедеятельность и устойчивое развитие молодого поколения, способного противостоять социальным и индивидуальным угрозам окружающей среде, целенаправленно реализуя свои основные социальные функции как ресурса и потенциала общества». В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646, подчеркивается, что в настоящее время влияние негативной информации на молодежь возрастает, что приводит к эрозии национальных нравственных ценностей. Именно молодое поколение нуждается в особой защите со стороны государства в современных условиях развития информационного общества, а проблемы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних заслуживают особого внимания. Специальный федеральный закон «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ раскрывает понятие «информационная безопасность детей - состояние защиты детей, при

котором отсутствует риск, связанный с причинением информационного вреда их здоровью и (или) физическому, умственному, духовному, нравственному развитию".

Проблема информационной безопасности несовершеннолетних широко обсуждается в научной литературе специалистами в области права, психологии и педагогики. Большинство исследователей сходятся во мнении о необходимости разработки правовых, социальных, финансово-экономических, организационных, методических и образовательных мер, направленных на обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних. Особый интерес представляет зарубежный опыт.

Понятие информационно-психологической безопасности человека распространилось и в научной среде.

Правовой основой защиты детей от информации, наносящей вред их здоровью и развитию на международном уровне, является «Конвенция о правах ребенка», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года.б, «Международный пакт о гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 года. Эти правовые акты закрепляют право ребенка на доступ к информации, которая способствует правильному физическому и психическому здоровью несовершеннолетнего, с одной стороны, и формулировку принципов защиты ребенка от неблагоприятной информации - с другой. Статья 20 «Международного пакта о гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 года предусматривает законодательный запрет на всякую пропаганду войны и выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию.

Статья 15 Типового закона «Об основных гарантиях прав ребенка в государстве» № 14-9, принятого постановлением четырнадцатого Пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 16 октября 1999 года, устанавливает основные гарантии

защиты детей от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред их здоровью, нравственному и духовному развитию. Закон обязывает органы государственной власти принимать меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы алкогольной продукции и табачных изделий, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопродукции, пропагандирующей насилие и жестокость, порнографию, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение.

Одними из важных принципов, отмеченных в Сеульской конвенции «Будущее интернетэкономики» 2008 года (г. Сеул, Корея), выступают: обеспечение безопасной интернет-среды для несовершеннолетних лиц; оказание содействия уважению международных этических и социальных норм во время использования сети Интернет.

В отчете OECD за 2010-2011 гг. «Защита детей в Интернете: риски, с которыми сталкиваются дети в Интернете, и политика их защиты» приводится положительный опыт стран по обеспечению защиты несовершеннолетних лиц в сети интернет, отмечается потребность в международном сотрудничестве и в подготовке международных стандартов в области информационной безопасности несовершеннолетних лиц. В частности, изучаются три категории онлайн-рисков для детей: киберзапугивания, распространение порнографии; риски, обусловленные интернет-маркетингом и разными мошенническими сделками; риски, обусловленные конфиденциальностью персональных сведений, в том числе применение социальных сетей без понимания вероятных последствий.

Среди основных проблем, обусловленных обеспечением информационной безопасности в России, можно отметить следующие. Во-первых, наличие недостаточности информационно-просветительской работы

по разным вопросам безопасного поведения в интернет пространстве и, как результат, невысокие показатели уровня интернет-грамотности подростков и детей. Отдельными факторами выступает подготовка образовательного курса по интернет-безопасности несовершеннолетних лиц. Тенденция к осуществлению интеграции интернет-грамотности в школьные программы может выступить результативным методом надления детей навыками и знаниями, нужными для обеспечения безопасности в сети Интернет. Во-вторых, следует отметить необходимость увеличения уровня вовлеченности родителей в достижение информационной безопасности детей в сети интернет. Политика обеспечения защиты детей в интернете должна основываться на распределении разных обязанностей всех заинтересованных сторон. В связи с этим важно установить участников правоотношений в области обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних лиц и установить их роль. Чтобы действовать результативно, родители должны быть обеспечены сведениями и соответствующими инструментами, требуется подготовка технических решений для осуществления родительского контроля. Родители, попечители и опекуны, педагоги, бизнес и гражданское общество могут и должны оказывать помощь детям в получении выгоды от использования Интернета. Однако упомянутые субъекты также будут нести определённую ответственность за защиту несовершеннолетних лиц от разных рисков в Интернете. В-третьих, сама проблема отсутствия специалистов в сфере информационной безопасности, а также выполняемых вузами дополнительных профессиональных программ для педагогических сотрудников в сфере развития информационных технологий. Следует ввести мастер-классы, подготовить учебные и информационные материалы, дополнительные образовательные программы по безопасности в Интернете для педагогов. В-четвёртых, не подготовлен механизм ответственности за распространение разных материалов экстремистской направленности, за пропаганду молодежных суицидов в

социальных сетях; государством не выделено достаточно денежных средств на подготовку обучающего и развивающего контента для детей; нет средств защиты несовершеннолетних лиц от наносящих вред сведений в местах, доступных для детей и т.п.

В утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 2471-р от 2 декабря 2015 г. Концепции информационной безопасности детей обозначены главные принципы рассматриваемого института права, на которых основана государственная политика в упомянутой сфере.

На основании Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» за государством признается определённая обязанность по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию. Эта обязанность реализуется с помощью проведения экспертизы настольных и других игр, игрушек и разных игровых сооружений для детей. Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» более детально описывает информационные продукты, вызывающие нарушение информационной безопасности ребенка. При этом разводит запрещенные информационные продукты и ограниченные в распространении из-за возрастной категории детей.

Во время разработки политики защиты детей в интернет-среде следует учесть разные потребности некоторых возрастных групп. Закон обязывает использовать информационные знаки о допустимости информационного продукта к последующему восприятию несовершеннолетними лицами конкретных возрастных групп (6, 12, 16 лет). В то же время это эффективно в случае учёта доступа детей к сведениям в образовательном заведении или в домашних условиях в случае наличия педагогического или родительского контроля. Также, приняв во внимание то обстоятельство, что в настоящее время широкое распространение смогли получить мобильные устройства для

выхода в интернет, то реализация упомянутых норм оказывается низкоэффективной. Необходимо отметить тот факт, что ни родители, ни образовательные заведения не смогут полноценно обеспечить контроль за потребляемыми детьми сведениями.

Информация, способная причинить вред здоровью и (или) развитию детей, – информация (в том числе содержащаяся в информационной продукции для детей), распространение которой среди детей запрещено или ограничено в соответствии с действующим законодательством. Под действие закона не будет попадать информация, распространяемая на форумах, чатах, компьютерные игры и реклама в сети. В связи с этим можно прийти к выводу, что защита от сведений, причиняющих вред здоровью и дальнейшему развитию детей, распространяемых в сети Интернет, пока еще не полностью урегулирована. Выход из такой ситуации - это внесение специальных дополнений в федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» № 436-ФЗ от 29.12.2010 или принятие обособленного закона, затрагивающего безопасность несовершеннолетних лиц в сети Интернет.

Необходимо воспользоваться положительным зарубежным опытом. Например, наиболее важным способом защиты детей – пользователей Интернета в Китае выступает метод увеличения осведомлённости и навыков несовершеннолетних лиц. В КНР в 2016 году приняли особый закон о кибербезопасности («Cybersecurity Law of the People's Republic of China»), позволяющий на легальных основаниях пресекать деятельность тех, кто в сети Интернет может поставить под угрозу психическое и физическое здоровье детей.

Выполнение правовых гарантий в области обеспечения информационной безопасности, предусмотренных законодательством, существенно затруднена из-за того, что интернет является глобальным и высокодинамичным информационным пространством. Правовые

определения и концепции стремительно устаревают, если они направлены на узкую сферу использования. В связи с этим РФ пошла по направлению проведения более гибкой политики, регулирующей всю информацию, которая способна нанести вред дальнейшему развитию ребёнка без учёта источника её получения. Однако правовых мер в этой ситуации мало и их нужно совмещать с техническими ограничениями доступа к неподходящему для детей контенту.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части 5 статьи 15.1 «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», фиксирует основания для добавления в упомянутый реестр данных, ориентированных на обеспечение информационной безопасности детей в сети Интернет. Решение об ограничении доступа к сайтам, имеющим запрещённые сведения, может быть принято как во внесудебном порядке, так и на основе судебного решения.

К источникам образующейся подотрасли информационного права можно ещё отнести Постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», Приказ от 11.09.13 года №1022/368/666 «Об утверждении критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральной службой российской федерации по контролю за

оборотом наркотиков, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минкомсвязь России) от 29 августа 2012 г. № 217 г. Москва «Об утверждении порядка проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей»; Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 24.08.2012 № 824 «Об утверждении Порядка аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной продукции».

Приказ Минкомсвязи России № 88 от 27.02.2018 «Об утверждении плана мероприятий по реализации Концепции информационной безопасности детей на 2018 -2020 годы» ориентирован на решение разных проблем в области информационной безопасности несовершеннолетних лиц, имеющих в настоящее время: устранение пробелов в существующем законодательстве, увеличение уровня медиаграмотности родителей и детей, увеличение уровня безопасности детей в информационной среде, разработка социальной рекламы, ориентированной на увеличение безопасности детей в сети «Интернет» и т.д.

Письмо Минпросвещения России № 03-393 от 29.03.2019 «О методических рекомендациях по реализации мер, направленных на обеспечение безопасности детей в сети «Интернет» ориентировано на расширение в Российской Федерации практики внедрения механизмов обеспечения информационной защиты несовершеннолетних пользователей организациями и физическими лицами, осуществляющими деятельность в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», посредством разработки и администрирования Интернет-ресурсов, сервисов и других технических программных решений.

Проведение анализа нормативно-правовых актов в области обеспечения информационной безопасности демонстрирует, что сама система оказывается в непрерывном развитии, происходит принятие новых специальных подзаконных актов. Статистические сведения о применении интернета детьми и распространенности разных рисков малочисленны и фрагментарны. Риски, с которыми порой сталкиваются дети в сети Интернет, многочисленны и их количество увеличивается. Для их сведения к минимуму необходимо совмещать правовые, политические запреты и технические ограничения в области доступа к неподходящему для детей контенту. Можно отметить, что во время установления правовых гарантий появляются сложности, так как Интернет является глобальным и высокодинамичным информационным пространством и предусмотренные меры могут стремительно устареть. Согласившись с Л.Л. Ефимовой, можно упомянуть о становлении в России особого правового института обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних.

Как справедливо замечено С.В. Кобзевой, текущая ситуация в России говорит о функционировании особой системы защиты несовершеннолетних лиц от агрессивного интернет-контента. Однако эта система требует улучшения с помощью принятия разных норм, способных наложить обязательства на интернет-провайдеров по блокировке распространения нелегального интернет-контента в разных местах общего доступа к сети Интернет; по формированию безопасного интернет-пространства для детей; по блокировке продвижения на рынок интернет-услуг ресурсов, где исключен доступ к вредной и нелегальной информации; по развитию просветительской и образовательной деятельности, ориентированной на увеличение уровня понимания проблемы агрессивного контента.

В этом контексте необходимо упомянуть о такой важной проблеме в современном обществе, как кибербуллинг (травля, осуществлённая средствами электронной коммуникации). Исследование, организованное

среди учеников старших классов из городов-миллионников и федеральных центров, демонстрирует, что каждый второй подросток выступал жертвой кибербуллинга. Главной площадкой травли оказались социальные сети. Мотивы интернет-агрессии: стремление повеселиться (35%), месть (31%), раздражение (25%). В виде превентивной меры отдельные специалисты предлагают запретить или ограничить доступ к социальным сетям в школах, а также запретить ученикам пользоваться смартфонами с целью выхода в социальные сети. Оказание противодействия кибербуллингу и защита несовершеннолетних лиц от интернет-угроз - ключевая задача не только для России, но и для любых развитых стран мира. В то же время международный, повсеместный, мало контролируемый правоохранительными и другими уполномоченными органами характер сети Интернет вызывает появление большого количества нерешенных проблем.

Реализация предусмотренных норм федерального законодательства в области обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних лиц окажется невозможной без детализации отдельных правовых понятий, чёткого распределения полномочий и обязанностей между субъектами. Выходом могло бы оказаться формирование централизованной системы особых государственных органов, имеющих широкие надзорные и контрольные полномочия в области информационной безопасности. И в аппарате уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, и в структуре Министерства просвещения РФ нам следует сформировать особые подразделения или лиц, отвечающих за формирование безопасной для детей информационной среды. Действующее федеральное законодательство помогает произвести последовательную совокупность таких действий на основании подзаконных актов, направленных на реализацию права несовершеннолетних лиц на информационную безопасность. В настоящее время в России требуется государственная поддержка разных инициатив по формированию безопасной для детей среды в сети Интернет. Следует

провести мероприятия для родителей, объясняющие им индивидуальную ответственность взрослого лица за информационное взаимодействие его ребенка. Поэтому можно согласиться с мнением авторов, предложивших дополнить п. 1 ст. 63 СК РФ специальной нормой, обязанностью родителей, опекунов, попечителей ограничивать доступ детей к сведениям, наносящим вред их развитию и здоровью, не соответствующей возрасту ребенка. Специальные скоординированные действия должностных лиц, преподавателей, законных представителей и непосредственных детей в сфере предупреждения и профилактики разных информационных угроз в Интернете поможет сократить риски, обусловленные отрицательным влиянием на детей.

Осуществлённый анализ разных проблем законодательного регулирования из-за права на информацию, не претендуя на всеобъемлющую полноту, помогает прийти к выводу, что для практической реализации данного конституционного права и обеспечения перехода от общей нормативной категории к субъективному праву отдельного человека требуется интенсивное развитие особой отрасли законодательства - информационного законодательства и наиболее быстрое принятие совокупности законов, осуществляющих регулирование отношений в информационной сфере. В то же время для обеспечения методологической корректности создание общей системы информационного законодательства, содержащего в себе широкий перечень взаимосвязанных вопросов правового регулирования действий с информацией и ее защиты, деятельности СМИ, информатизации, развития телекоммуникаций и средств связи, информационного обеспечения работы органов государственной власти и муниципального самоуправления, создания и использования информационных ресурсов и т.п., следует сконцентрировать всю законодательную деятельность на федеральном уровне в одном отдельном специализированном комитете Государственной Думы.

Заключение

В современном мире в наиболее развитых странах наблюдается новый цивилизационный виток развития, характеризующийся становлением информационного общества. Несмотря на явное технологическое отставание, в России также происходит постиндустриальная трансформация в сфере информатизации.

В российской действительности такое понятие, как информация, широко распространено в общественных отношениях. Все чаще появляются публикации об информационной сфере или инфосфере, представляющей собой конгломерат информации, информационной инфраструктуры, субъектов обработки информации, а также системы правового регулирования складывающихся при этом общественных отношений. Информация буквально пронизывает экономическую, социальную, политическую, культурную и иные сферы общественной жизни.

Совершенно очевидно, что в современных условиях, когда информация начинает играть ключевую роль и имеет весомую ценность, необходимы качественное правовое обеспечение и защита информационных прав и интересов граждан.

В ходе исследования выявлены следующие проблемы:

1. Органы государственной власти и местного самоуправления не разъясняют населению правовые способы и средства решения проблем, возникающих в процессе оказания государственных и муниципальных услуг.

2. Официальные сайты органов государственной власти и органов местного самоуправления в сети Интернет не всегда в полной мере отражают даже ту информацию, размещение которой обязательно в силу действующего законодательства. Например, согласно ст. 11 Федерального закона от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» одним из

установленных требований является достоверность предоставляемой информации о деятельности судов. Однако на практике информация о рассмотрении дела в суде не всегда соответствует реальному ходу судебного разбирательства, а также движению дела по инстанциям, иногда содержит неполные сведения об участниках процесса и рассматриваемом споре, что даже при использовании электронного сервиса поиска дела значительно затрудняет реализацию информационного права гражданина - права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29 Конституции РФ).

3. Проблема организационно-правовых форм деятельности уполномоченных, связанная с институционализацией специализированных уполномоченных – по правам детей, коренных народов, предпринимателей. В последние годы четко обозначилась тенденция появления уполномоченных, специализирующихся на вопросах защиты прав отдельных социальных групп.

4. Проблемы информационной безопасности человека в сети Интернет, среди которых следует выделить: вопросы электронной торговли (предоставление услуг в электронном виде, осуществление электронных платежей, использование банковских карт и др.), проблемы защиты частной жизни человека и его личных неимущественных прав в информационной среде, персональных данных, прав интеллектуальной собственности. Особое место занимает проблема защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

5. проблема современного общества в виде кибербуллинга (травли, совершенной с помощью средств электронной коммуникации). Исследование, организованное среди учеников старших классов из городов - миллионников и федеральных центров, демонстрирует, что каждый второй подросток оказывается жертвой кибербуллинга.

Выполненный анализ разных проблем законодательного регулирования из-за права на информацию, не претендуя на всеохватывающую полноту, помогает прийти к выводу, что для практической реализации данного конституционного права и обеспечения перехода от общей нормативной категории к субъективному праву определённого человека требуется интенсивное развитие особой отрасли законодательства - информационного законодательства и самое быстрое принятие совокупности законов, осуществляющих регулирование отношений в информационной сфере.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных ФЗ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФЗ, от 30.12.2008 № 7-ФЗ) // Российская газета. - 21 января 2009.
2. О Стратегии развития информационного общества в РФ. URL: <http://pravorf.org/index.php/news/2390-o-strategii-razvitiya-informatsionnogo-obshchestva-v-rf>.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»
4. Авакьян, С. А. Основные тенденции современного развития конституционного права / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. - 2017. - № 4. - С. 3-7.
5. Авдоница Н.С. Развитие критического мышления журналистов на дисциплине «международное гуманитарное право и средства массовой информации». Право и образование. 2018. № 1. С. 150-156.
6. Барбашова Н.В., Стрельцова М.А. О праве свободного доступа к информации экологического характера. В сборнике: Сфера знаний: вопросы продуктивного взаимодействия теории и практики сборник научных трудов. Казань, 2018. С. 33-39.
7. Бачило И. Л. Информационное право: Учебник. М.: Юрайт, 2011. - С.522.
8. Бокова, Л. Н. Информационное общество России в конституционно-правовом измерении / Л. Н. Бокова, Д. В. Абдрахманов // Конституционное и муниципальное право. -2017.- № 7. - С. 30-33.
9. Большаков Л.М., Протозанов С.А. Концепции внешней политики российской федерации: свобода слова и право на информацию как средства «мягкой силы». В сборнике: Эволюция российского права Материалы XVI

Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. 2018. С. 547-549.

10. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. - М.: Норма, Ин-фра-М, 2011. - 544 с.

11. Гареев А.Р. Деятельность средств массовой информации по защите прав человека как института гражданского общества. В сборнике: Академическая среда российских университетов Сборник научных статей. Тюмень, 2018. С. 455-457.

12. Гончаров И.А. Место права на информацию в системе конституционных прав и свобод. В сборнике: Академическая наука - проблемы и достижения Материалы XV международной научно-практической конференции. 2018. С. 113-117.

13. Долинина А.А. Конституционное право человека и гражданина на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. В книге: Традиции и новации в системе современного российского права. Сборник тезисов XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых. 2018. С. 67-68.

14. Информация как объект гражданских прав предпринимателей. Материалы Международной научно-практической конференции. Сборник статей / Ответственные редакторы Г.Ф. Гараева, Т.И. Султонова, М.Е. Бегларян. 2018.

15. Исманжанов А.А. Информация как объект гражданских прав: правовая доктрина и вызовы современности. В сборнике: Информационные технологии и право: Правовая информатизация - 2018 Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Е.И. Коваленко. 2018. С. 160-164.

16. Калмык В.К. Право на информацию - фундаментальное и неотъемлемое право покупателя в рамках дистанционной торговли.

Актуальные научные исследования в современном мире. 2018. № 4-1 (36). С. 111-115.

17. Касимцева А.А., Разгельдеев Н.Т. Право граждан российской федерации на доступную объективную экологическую информацию в условиях развития цифровых технологий. В сборнике: Право и правоохранительная деятельность в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство и социальная эффективность Материалы V Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. 2018. С. 187-188.

18. Касимцева А.А., Разгельдеев Н.Т. Правовые аспекты обеспечения экологической информации в международном и Российском праве. В сборнике: Право и правоохранительная деятельность в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство и социальная эффективность Материалы V Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. 2018. С. 188-191.

19. Ковалёва Н. Н. Информационное право России: Учебное пособие. М.: Данков и К, 2007. - С.148.

20. Кожевникова Е.Д. Право граждан на экологическую информацию - некоторые проблемы понятийного аппарата. В сборнике: Молодежь и системная модернизация страны. Сборник научных статей 3-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых. В 4-х томах. Ответственный редактор А.А. Горохов. 2018. С. 179-182.

21. Костылев А. Г. Информационное право: Учебное пособие. Издательство Тюменского государственного университета, 2010. - С.244.

22. Костюков, А. Н. Реализация прав человека и гражданина в конституционном праве России: год 2017-й / А. Н. Костюков // Конституционное и муниципальное право. - 2017. - № 2. - С. 17-23.

23. Крестьянинов Е.Г. Злоупотребление правом на доступ к информации в гражданских правоотношениях. В сборнике: Юридические науки: проблемы и перспективы Материалы VII Международной научной конференции. 2018. С. 35-38.

24. Крохина, Ю. А. Конституционализация финансового законодательства: объективная закономерность и фактор оптимизации / Ю. А. Крохина // Конституция и законодательство: сб. статей по матер. научнопрактическая конференция - М., 2003. -С. 112-124.

25. Кудрявцев М.А. Свобода информации и проблемы обеспечения информационных прав личности. В сборнике: Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы. Сборник научных трудов. Отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина. 2018. С. 146-170.

26. Кузнецов, П. У. Информационное законодательство как базовый компонент образовательного процесса / П. У. Кузнецов // Информационное право. - 2016. - № 2. - С.38-42.

27. Кулешова Н.Н. Основы взаимодействия уполномоченных по правам человека в субъектах РФ со средствами массовой информации. Вопросы науки и образования. 2018. № 12 (24). С. 41-44.

28. Кутафин, О. Е. Предмет конституционного права / О. Е. Кутафин. - М.: Юристъ, 2001. - 444 с.

29. Малыкова В.Ю. Право на информацию в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина: Теория и практика. В сборнике: Академическая среда российских университетов Сборник научных статей. Тюмень, 2018. С. 129-132.

30. Надтачаев П.В. Вопросы совершенствования законодательства о средствах массовой информации в целях защиты личных неимущественных прав сотрудников полиции. Актуальные проблемы государства и общества в

области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 3-3. С. 49-52.

31. Павлова О.Г. Отдельные вопросы правового регулирования информации в международном частном праве. Вестник Нижегородской правовой академии. 2018. № 15 (15). С. 82-85.

32. Паляничко К.А. Право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. В сборнике: Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. ред Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова, Е.Е. Пирогова. 2018. С. 214-221.

33. Пашнина Т.В. Право на информацию: структура, признаки, принципы. Юридический факт. 2018. № 22. С. 47-51.

34. Перепадя О.А., Першина Е.А. Конституционное право граждан на достоверную экологическую информацию. НаукаПарк. 2018. № 1 (62). С. 33-37.

35. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Информационное право: Учебник. М.: Инфра-М, 2010. - С.496.

36. Пьянкова А.Ф. Право потребителя на информацию: теория и практика. В сборнике: Современное Российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя XIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): в 3 ч.. 2018. С. 46-51.

37. Пьянкова А.Ф. Право потребителя на информацию: теория и практика. Аграрное и земельное право. 2018. № 3 (159). С. 81-85.

38. Солодянкина Д.С., Терюхина Н.В. Направления совершенствования понятийного аппарата в сфере информационных прав и защиты несовершеннолетних от вредоносной информации. Бюллетень инновационных технологий. 2018. Т. 2. № 1 (5). С. 12-16.

39. Токарев К.Е. Разработка системы защиты информации на основе разграничения прав доступа. В сборнике: Мировые научно-технологические тенденции социально-экономического развития АПК и сельских территорий. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию окончания Сталинградской битвы. 2018. С. 390-397.

40. Ушакова А.А. Гарантия реализации деятельности средств массовой информации в праве на информацию в избирательном процессе. В сборнике: Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) сборник трудов XIV Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме: Всероссийская научно-практическая конференция. 2018. С. 208-212.

41. Федотов, М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства / М. А. Федотов // Lexrussica. - 2016. - № 3. -С.164-182.

42. Федотченко Ю.И. Новые технологии как средство обеспечения реализации прав лиц с ограниченными возможностями на доступ к информации. В сборнике: Стратегические коммуникации в современном мире. Сборник материалов по результатам научно-практических конференций Пятой и Шестой Международных научно-практических конференций, Четвертой и Пятой всероссийских научно-практических конференций. 2018. С. 805-808.

43. Феоктистова А.А. Право потребителя на необходимую и достоверную информацию. В сборнике: Актуальные проблемы частного права и гражданского судопроизводства. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 64-70.

44. Филиппова О.В., Зацепин А.М., Пермяков М.В. Проблемы получения оперативно-розыскной информации по делам, связанным с ограничением конституционных прав граждан. Евразийский юридический журнал. 2018. № 6 (121). С. 339-341.

45. Червяковский А.В. Проблемы ограничения прав граждан на доступ к информации в сети «интернет». Юридическая техника. 2018. № 12. С. 355-361.

46. Шапова А.А. Право каждого свободно производить информацию: конституционно-правовое содержание. В сборнике: Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России. Материалы XI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей: сборник научных статей. 2018. С. 267-270.

47. Шафиров, В. М. Конституция, отраслевое право, правоприменение / В. М. Шафиров // Российская юстиция. -2016. - № 3. - С. 2-5.

48. Эдилова Х.В. Уголовная политика России в области поиска баланса между правом на информацию и защиты от диффамации. В сборнике: Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития: Материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной ко дню принятия Уголовного Кодекса РФ. 2018. С. 294-299.

49. Vasiliev A. I., Prokofiev S. E. Organization of project management in public authorities // Administrative Sciences [Upravlencheskie nauki]. 2016. № 4. P. 44–52 (In rus)

50. Gorovaya T. V. Integration of projects into state programs: review of regional experience // Electronic journal «Budget.Ru» 27.12.2017. URL: http://bujet.ru/article/334273.php?sphrase_id=4839092 (In rus)

51. JOHNSON, D. 2016. Thinking Government: Public Administration and Politics in Canada. Toronto: University of Toronto Press, 2016, 448 p.

52. NEDELKO, Z. POTOCAN, V. 2013. Ethics in Public Administration: Evidence From Slovenia. In: Transylvanian Review of Administrative Sciences. Vol. 8, №. 4, 2013, pp. 88-108.

53. NESHKOVA, M. I. ROSENBAUM, A. 2015. Advancing Good Government through Fighting Corruption. In: PERRY, J. L. CHRISTENSEN, R. K. Handbook of Public Administration. San Francisco: Wiley, 2015, pp. 97-119.